

Олег Механик

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вечеринка а-ля 90-е

Олег Механик

Вечеринка а-ля 90-е

«Автор»

2020

Механик О.

Вечеринка а-ля 90-е / О. Механик — «Автор», 2020

Шестеро бывших одноклассников пускаются в весёлое путешествие по реке на новой яхте друга, даже не представляя, что их ждёт. Забытая любовь, забытый враг, забытое преступление, забытая смерть. Всё это воскреснет, заиграет новыми красками, увидится в другом свете через двадцать лет на вечеринке, которую собирает каким-то чудом приподнявшийся один из друзей. Двадцать лет назад кто-то открыл ящик Пандоры, запустив цепочку печальных событий. Оказывается, всё это время друзья подозревали во всех своих невзгодах не того... Содержит нецензурную брань.

© Механик О., 2020

© Автор, 2020

Олег Механик

Вечеринка а-ля 90-е

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга посвящается пацанам из девяностых, которые выжили тогда, но пали в наше время.

Тем, кто погиб под острым каблуком, кто погребён под толщей безысходности и скуки, кто придавлен сверху могильной плитой ипотеки, ответственной должности, кредита доверия.

Тем, кто отдал свою жизнь за карьеру, кто поменял её на отпуска, пятницы и «олл инклюзив» в турецком отеле.

Девчонкам, погибшим под колёсами тележки из супермаркета, растаявшим возле раскалённой керамической комфорки, растворившимся в карьере мужа, в бытовухе и серости.

Всем, кто растерял себя настоящего и живёт как зомби, кто находит утешение в сериалах Нетфликса и компьютерных играх, тем, кто заменил настоящее общение на посты в соцсетях и блогах.

Тем, кому даже не верится, что буквально двадцать лет назад была другая жизнь, и они были другими. Наивными, глупыми, с ограниченным кругозором, не знающими, что такое правильная одежда и правильное сочетание носков и штиблет. Они были настолько другими, что иногда им стыдно признаться другим и себе, кем они были. Но тогда и только тогда они были живыми.

Эта книга для тех, кому кажется, что всё, что было тогда, происходило не с ним, настолько всё поменялось.

Это ни в коем случае не ностальгические сопли и не восхваление девяностых. Просто небольшое путешествие назад, нырок в глубину себя, своего прошлого.

Данный труд не рекомендован к прочтению лицам, страдающим излишним морализмом, людям, которые делят мир на чёрное и белое, тем, кто никогда не отступал от божьих заповедей.

С осторожностью: любителям розовых соплей и фруктового кефира;

тем, кто перемножает в уме трёхзначные числа;

тем, кто не разбивал нос, не падал и не ошибался;

кто не подтирался лопухом (хотя бы гипотетически),

тем кого не рвало на части от любви,

кого не рвало от излишка принятого на грудь алкоголя,

тем, кто не знает, что такое уйти в отрыв.

При первых признаках отвращения, отторжения и неприятия закройте эту книгу и поставьте автору дизлайк.

Тех же, кто ещё остался здесь, после прочитанной страницы приглашаю пуститься в небольшое путешествие. Это не путешествие в прошлое, а ностальгия по потерянному настоящему.

События, описанные в данной книге, частично сконструированы автором, частично имели место быть, поэтому погоняла главных героев заменены на вымышленные. Автор заранее извиняется перед обладателями идентичных погонял, которые могут случайно попасть на страницы этой книги и даже компенсировать вред, нанесённый их репутации, при условии, что они докажут, что являются единоличными обладателями данных кличек.

«Давай быстрее брат налей, за бизнесменов и врачей,

За музыкантов и воров, и участковый будь здоров.
За тех, кто с нами был всегда, кто помнит наши имена,
И за девчонок, что порой, нас увлекали за собой...»
Гарик Кричевский «Застольная песня»

Псих, нытик, алкаш, идиот и мудака. Вся честная компания в сборе. Хотя нет – мудака не пришёл, на то он и мудака.

Нытик и псих снова ссорятся. Привычное дело.

– А ты, с-сука, мои деньги не считай! Всё что есть, сам заработал. По крайней мере, дом и машина есть, не то, что у тебя – голь подзаборная.

Это, кстати, нытик орёт. Зря он так с психом.

– Посмотрел бы я, если бы тебе пришлось трёх детей содержать. У тебя ведь ни ребёнка ни котёнка. Ты, блядь, знаешь, что это такое, когда пашешь в трёх местах, чтобы только накормить своих детишек. Де-ти-ше-чек!

Говоря навзрыд, псих смотрит на свои сложенные в лодочку ладони, словно в них, в самом деле, умещаются трое крошечных его детишек. Его глаза дико блестят, и я вижу, что он в очередной раз на грани срыва. Ох, сколько раз мы уже это проходили. Сейчас нужно просто окинуть взглядом стол, чтобы под рукой психа не оказалось каких-нибудь опасных предметов вроде ножа, или шампура. Хотя в его руках в момент отчаянья любой предмет может стать оружием.

Но нытик не унимается.

– Ага, детишки! От этой бляди, которая уже пять раз тебя кидала? Думаешь, среди них хоть один твой есть?

Вот это он точно зря. Хотя, на что я надеялся. Всё идёт по отработанному годами сценарию. Дальше по плану мордобой с кровавыми слюнями и валянием в траве, а потом будут пить мировую.

Только мне вот с каких-то пор это стало неинтересно. Может быть с той поры, когда нам перевалило за тридцать пять. Честное слово, когда я нахожусь в этой компании я всегда ещё тот дворовый пацан.

– Эй ну-ка брэйк! – Обнимаю психа за плечи, чтобы сковать его движения. – Ну чё вы парни опять старую пластинку завели. У кого из вас член больше. Да ни у кого. Вы оба долбоёбы и неудачники с маленькими прыщиками вместо писюнов!

Это вырывается как-то само собой. Привык я просто на своих подчинённых так орать, а тут не подумав брякнул. И начинается. Теперь четыре огненных глаза пытаются испепелить меня на месте.

– А ты чё думаешь, в свою Москву уехал и крутым там стал? Знаю я, пидоры вы там все! – орёт псих, а нытик улыбается и кивает головой, мол, точно-точно...

– Дураки вы, пацаны! Давайте выпьем лучше. – Я улыбаюсь и разливаю по стаканам водку. По крайней мере, так лучше. Лучше вызвать огонь на себя, чем смотреть, как они друг из друга дурь вышибают. Чай не пацаны, хотя... вечные дети.

Алкаш уже принял свой максимум и теперь валяется в стороне от стола на заботливо подстеленном мной меховом тулупе. Уже август, земля холодная, а почки не железные, да и не новые уже.

Кстати, забыл представиться. Идиот собственной персоной. А как ещё можно назвать человека, который раз за разом наступает на одни и те же грабли. Сколько раз я зарекался не ездить на эти пьянки, замаскированные под охоту, или рыбалку. В компании с этими кренделями любое мероприятие это пьянка. И ладно если «это» ещё безобидно закончится. Такое, кстати бывает очень редко.

А чё я повёлся? Да, как обычно из-за мудака. Это он замутил воду, пообещал устроить какую-то грандиозную вечеринку, которую, якобы, никто из нас не забудет до самого конца нашей никчёмной жизни. Пообещал, собрал нас всех, а сам не пришёл. А чё, это вполне в его стиле. Самое интересное, что мы все снова ему поверили. Как всегда. Как это бывало и раньше, когда мы раз за разом становились жертвами его фантазий и тупых идей.

Всё это тянется с того времени, когда белокурый долговязый пацан с длинным носом и обаятельной, с ямочками на щеках, улыбкой появился на пороге нашего класса.

«Прошу любить и жаловать. В нашем классе пополнение. – Классная Моргуша, чему то ехидно улыбается. – Ну, молодой человек, представьтесь и расскажите о себе.»

Длинноносый ничуть не смущаясь перед новым коллективом, говорит, что его зовут Серёжей и приехал он аж с Молдавии. Тягучее произношение сразу выдаёт в нём чужака.

«Буратино! – шепчу я, пихая локтём своего соседа по парте. Тот громко прыскает, пуская сопли в кулак.

Так с моей лёгкой руки и стал он Буратиной с первой же минуты своего появления в классе. Я вообще славлюсь тем, что с ходу мог дать человеку достойное его погоняло. Кликухи всех моих друзей и недругов, почти во всех случаях придуманы мной.

Так мой сосед по парте и закадычный дружбан Вовик однажды стал Гераклом. Нет, Вовик не отличался исполинским телосложением, а как раз таки был худым и хлипким. Однажды на уроке истории древнего мира училка вызвала Вовика к доске и попросила показать его на карте, где находится Греция. У Вовика было не очень с географией, как в прочем и с остальными предметами, кроме, может быть, труда. Он знал только несколько географических объектов, и это были территории влияния на которые, вне зависимости от района, был поделен наш город. «КПД», «Кресты», «Площадь», «Пентагон», «Зарека» – на этих пяти опорах и держался мир по версии Вовика. Он с пьяной улыбкой взял указку и, не глядя, ткнул ей в карту, громко продекламировав «Греция!». Острая указка попала как раз в изгиб ламинированной бумаги и пробила его насквозь, где-то в районе Египта. В итоге все получили заряд веселья, а Вовик вдобавок к веселью ещё и единицу. Мне почему то тут же захотелось назвать его греческим именем, но на памяти было одно. Оно и стало его пожизненным погонялом.

Игорь, который часто скулил, ныл и пытался всем доказать свою правоту, получил прозвище «Уксус», а здоровяк, задира и балагур Ванька Пономарёв удостоился клички «Поночка». Здесь чистая случайность. Просто однажды вырвалось из моего рта знаменитое мультяшное имя и приклеилось к Ваньке на всю жизнь.

Мы снова вместе. Повзрослевшие и разрыхлевшие Уксус и Поночка как всегда цапаются, а Геракл валяется под столом на меховой подложке.

Всё как и раньше. Снова сижу и смотрю на третий по счёту ополовиненный пузырь водяры, слушаю бредни этих двух, мирный храп третьего и лелею надежду, что может быть, всё-таки появится четвёртый.

Всё как раньше. Я насквозь пропитан запахом костра и водяры, в грязном охотничьем камуфляже, в этих чёртовых болотниках, где-то в «жопе мира», на высоком берегу извилистой речушки. Морда опухла то ли от укусов комаров, то ли от пощёчин, которые предназначались им, но достались моим щекам и ушам. А ведь я взрослый и солидный человек. Живу в Москве и, между прочим, работаю ни кем-нибудь, а директором. Там я уважаемый, степенный и серьёзный. Там у меня есть квартира (правда съёмная, и об этом никто здесь не знает), хорошая машина и стабильный по здешним меркам хороший оклад. Но стоит мне только очутиться здесь, и мне снова кажется, что я отсюда и не уезжал. Что я не расставался с этими долбанными неудачниками, что нам ещё по пятнадцать, и мы как всегда на что-то надеемся. Мы снова мечтаем о золотых горах, райских кушах и принцессах. Господи! Ведь у меня всё уже состоялось! Ну почему я снова здесь, в этом страшном прошлом. Я снова в девяностых, где меня зовут не Вячеслав Иванович, а просто Сява.

– Сява, а ты почему до дна не выпил? Давай, завязывай с этими московскими штучками. – Педантичный в таких делах Уксус замечает, что я начинаю халтурить. Приходится морщиться и допивать.

Водка тёплая и горькая. Вкус молодости. Вкус солидной зрелости это Виски, но здесь о таких напитках никто и слышать не хочет.

– Кстати, ты слышал, Ленина то закрыли! – мычит сквозь набитый мясом рот Поночка.

О господи! Ну почему... почему это имя опять всплывает в моей жизни. Почему, приехав в кои-то веки в сибирскую глушь к своим друзьям, я должен слушать и разговаривать о том, кто моим другом никогда не был.

– Закрыли и закрыли! – машу рукой, надеясь, что разговор на этом закончится. Ага, размечтался.

– И тебе не интересно за что?

А почему мне должно быть это интересно? Бывшего директора «Бэтта банка» и настоящего депутата, учредителя всех мало-мальски дышащих шараг в этом городишке арестовывают. Ну и в чём здесь интрига? Как будто не понятно за что могли закрыть нашего старого знакомого.

– За что? – чиркаю зажигалкой. Порывы ветра не дают прикурить.

– Воровал много! – говорит Поночка, вгрызаясь в кусок застывшей жареной свинины.

– Это сколько же надо спиздить депутату, чтобы его закрыли? – говорю я так, чтобы поддержать разговор.

Мне совсем не интересна судьба Ленина. В этом я пытаюсь себя убедить последние двадцать лет. Кстати, прозвище Ленин, тоже моих рук дело. Женя Смирницкий это ещё один наш одноклассник. Отличник, спортсмен, активист, староста класса, любимец учителей и всех девочек, он, конечно же, не мог быть другом таким как мы. Каким? Распиздяям, которые всю жизнь идут наперекор общественному мнению. Женя всегда выбирал себе друзей поумнее, постарше и повлиятельней. Кличку Ленин он получил за то, что имел высокий лоб и словно пятящиеся назад зачёсанные волосы (ранний признак будущей лысины). По крайней мере, я находил в его образе сходство с вождём. А уж если я назвал кого-то Лениным, то, поверьте, что это будет для него вторым именем до конца жизни.

– Почти ярд! Половину бюджета нашего города увёл через подставные тендеры. – Мычит, жующий дубовое мясо Поночка.

– Ну чё сказать, красавчик. Только вот ярд, это уже перебор. – Дыплю в сторону, но чувствую на себе укоризненные взгляды Поночки и Уксуса. Они не могут простить любого положительного отзыва в сторону Ленина, после того, что он с нами сделал. Они не могут забыть, в прочем, как и я.

– Га-андон он! Сво-олочь! – слышится густой рык откуда то снизу. Это проснулся Геракл. Одно только упоминание о Ленине заставляет его сесть, покачиваясь из стороны в сторону, словно суслику.

– Ну вот доорались! – вздыхаю я. – Разбудили ребёнка! Давайте его лучше в дом занесём, холодно уже. Геракл, ты как? Идти сможешь?

На самом деле, Геракл уже давно не похож на ребёнка. Отросшие на опухшем лице клоуны бороды делают его похожим на схимника. А так, он без пяти минут бомж. Мне горько это осознавать, глядя на своего друга, и я пытаюсь прогнать от себя мрачные мысли.

Я подсказываю к Гераклу, и хватаю его под руку.

– Поночка, помоги! А ты, Уксус, собрал бы со стола закусь. Лучше в дом пойдём, а то костёр почти погас, за дровами ломы идти, да и комары сожрали.

На самом деле, я хочу загнать их всех в дом, чтобы потом незаметно испариться. Просто вызову такси и уеду. А завтра на самолёт и здравствуй Москва и моя настоящая жизнь. А об этой жизни пора бы уже и забыть. Простите, пацаны, но, похоже, мы видимся с вами в послед-

ний раз. Сейчас мы сядем за стол, выпьем по одной, а потом я выйду покурить и незаметно испарюсь. Не прощаясь. Так будет лучше.

Пока Поночка суетится, укладывающая Геракла, а Уксус разливает водку, я, спрятав телефон под столом, захожу в приложение агрегатора, ищу свободное такси. Боже, до чего всё изменилось. Одно нажатие на сенсорную панель и через пять минут, меня здесь не станет. Ещё одно нажатие, и я уберусь из этого города, туда, где уже давно всё по другому, где друзья нужны только для выполнения определённой задачи, где почти все вопросы можно решить с помощью вот этой маленькой коробочки. Парни так и остались в прошлом в этих чёртовых девяностых и это уже не моя проблема, вытаскивать их из этого болота. У меня и своих полно. Нужно удерживаться на должности, чтобы зарабатывать на выплаты кредитов за жильё и обучение детей. Да, жизнь не сахар. Так себе жизнь, но я по крайней мере один из всех наших одноклассников выбился в люди. Хотя, кого я обманываю, из всех нас в люди выбился только один человек. Тот, который никогда не терял время на пустые приколы и дешёвый романтизм, тот который всё и всегда делал по расчёту, кто никогда не давал волю своим эмоциям. Этот человек – Ленин.

«Ну давайте, пацаны, за встречу!» – звонко брякают гранёные стаканы.

В который раз проглатываю противную, сводящую скулы жижу, и всё под один тост.

Да, наши застолья скупы на красные слова и тосты. Пацаны пьют не ради того, чтобы сказать какую-нибудь услышанную, или вычитанную чушь, они пьют ради веселья. Только вот с каждой выпитой рюмкой веселья всё меньше и меньше.

– Да, Ленин нас здорово тогда подставил. Если бы не он, всё бы у нас с вами могло быть по-другому. – Поночка снова затягивает старую песню. – Чтоб ему там по полной вкатали. – он с ожесточением вгрызается в шмат мяса, словно это ляжка или щека Ленина.

– Ага, вкатают ему! Увидишь, скоро под залог выпустят. Они своих под пресса не отдают, – мычит Уксус, уперевшись локтями в стол. Сейчас они похожи на двух шахматистов, участвующих в серьёзном турнире. Сидят друг напротив друга, и каждый уставился в шахматную доску. Только вместо фигур на этой доске пузырь, стаканы и тарелка с непрожаренным мясом. А я выполняю роль судьи. Только оно мне надо? Снова сидеть и полночи слушать базары про то, какой Ленин мудака и сволочь? Нет уж, извините, пацаны, я пошёл.

Прощальным взглядом окидываю моих вечных друзей неудачников. Скуластый профиль Поночки, заросшее щетиной лицо Уксуса. Перевожу взгляд на свернувшегося в калачик Геракла. Сердце неприятно щемит. Жалко, что Буратину не удалось напоследок повидать.

– Пойду перекурю! – поднимаюсь из за стола.

– Кури здесь, – говорит Уксус и зубами вытягивает из пачки сигарету.

– Хочу на свежем воздухе, да и поссу заодно!

Они сразу же переключаются друг на друга, и, как старые коммунисты заводят свою любимую песню о Ленине, даже не глядя, как я продвигаюсь к двери.

«Всё пацаны, прощайте!».

Выхожу на крыльцо, прикуриваю. Глаза заволкло прозрачной плёнкой.

«Вот ещё! Ты ещё расплачься здесь!»

На улице уже ночь и я в пятнадцати километрах от города, но агрегатор сообщает, что такси в пяти минутах от меня. Нужно только нажать иконку на экране. Сквозь слёзную пелену смотрю в темень, на берег, где догорают угольки нашего костра. Мы все догораем как эти угольки. Кто-то догорит позже, кто-то раньше.

Моё внимание привлекает что-то большое, белое и светящееся, что-то совсем не свойственное этому месту. Там внизу, где должна быть река, мне мерещится какой-то объект, словно летающая тарелка села посреди Камы.

Смахиваю слёзы, шуру глаза. Ну точно. Что-то там есть такое, и это что-то прямо посреди реки. Это не лодка, а что-то гораздо крупнее. Белая субстанция вся светится огнями и до меня

доносятся звуки музыки. Неужели яхта? Кто в этих местах может держать яхту? Это же не Сан-Тропе. Любопытство берёт своё, и я решаю отложить своё внезапное исчезновение.

– Укус, а у кого из твоих односельчан есть яхта? – ору я с порога, врываясь в дом.

– Че-его? Да здесь лодка то не у каждого...

– Значит, кто-то накопил. Сам посмотри, прямо напротив твоего дома на якоре стоит.

Укус и Поночка срываются со своих мест, и, пошатываясь, идут к выходу.

– Точно яхта!

– Во дела!

Друзья шуруют в темноту.

– Пойдём вниз, посмотрим, кто такие! – Укус важно идёт вперёд к спуску. Как-никак хозяин здешних мест.

Мы спускаемся с откоса на берег, где ещё шают красным угли костра. Отсюда уже чётко видны обтекаемые сексуальные контуры белоснежной яхты, горящий в окнах свет, подсвеченную неоновым палубу. И песня. Эта до боли знакомая и почти позабытая песня летит над рекой.

«Два кусочка ка-албаски у тебя лежали на столе,

Ты рассказывал мне ска-азки,

Только я-а не ве-ерила тебе-е».

– В первый раз такое вижу! – слышится гундёж Укуса. – Самое большое, что здесь проплывало, это катер береговой охраны.

Яхта стоит на месте, и похоже не собирается никуда плыть. Что они здесь забыли?

На борту находятся люди, но мы не можем разглядеть, что они делают.

– Вроде лодку спускают, – говорит самый остроглазый из нас Поночка.

Рёв мотора вдалеке чуть громче жужжания шмеля. Что-то отделяется от белоснежного борта и плывёт в нашу сторону.

– Сюда плывут – шуруется Укус, пытаясь рассмотреть тех, кто в лодке.

– Вроде один – через губу мычит Поночка.

Я молчу и жду. Что-то мне подсказывает, что эта лодка направляется сюда не просто так. Рёв мотора нарастает, приближается, резиновая лодка с задраным вверх килем на дикой скорости летит прямо на нас. Мы застыли в слепящем свете, направленного на нас прожектора, как испуганные зверьки. Лодка и не думает останавливаться и крик Поночки выводит нас из ступора.

– Шухер, блядь!

Эта команда, как и раньше, заставляет нас мгновенно рассыпаться в стороны. Лодка вылетает на берег и ложится на песок всем корпусом. Мотор захлёбывается, наглотавшись ила.

– Эх пацаны, умеете же вы всё испортить! – слышу я до боли знакомый баритон. – Я же хотел прямо в объятия к вам залететь, а вы разбежались как последние ссыкуны!

– Бу-ра-ти-на-а-а! – Орёт Укус несясь с распростёртыми объятиями к человеку выбирающемуся из лодки.

– Буратина-а! – кричит Поночка.

– Буррр-ааа-ти-нааа! – что есть силу воплю я и мчусь к лодке вслед за остальными.

Парни уже с двух сторон зажали в объятиях долгожданного и почти неожиданного гостя, так что мне приходится обнимать не его, а спину Укуса.

Дальше приходит пора индивидуальных приветствий.

Буратина по очереди тискает нас в своих медвежьих лапах. Он стал ещё больше, просто огромный. С тем худым пацаном который когда то зашёл в класс нет ничего общего. Мордастый, розовощёкий, высокий, пухлый. Только эта обаятельная улыбка всё такая же как раньше. Улыбка и длинный заострённый нос.

– Сява, рад видеть! – Он долго жамкает меня, будто проверяя, все ли части моего тела на месте. – Сколько лет, сколько зим. – Забуре-ел, солидный стал.

– Если кто забурил, так это ты. – Я с ног до головы оглядываю старого кореша. Он одет в белые штаны, в белые же мокасины. На обнажённый волосатый как у медведя торс накинута старомодный бардовый пиджак, на голове белая фуражка с мореманским околышем. На груди огромный золотой крест на толстом канате, на правом запястье толстая цепочка, на левом массивные золотые часы, в зубах шает бычок сигары.

– Ты прямо как браток из девяностых. Новый русский. Где такой клифт достал? – Я треплю его за плечо.

– Там где взял уже нет. А вот это вам как? Зацените! – он машет рукой в сторону яхты.

– Твоя? – спрашивает Поночка, недоверчиво улыбаясь.

– Ну а чья же! Моя!

Я вглядываюсь в искрящиеся глаза Буратины и пытаюсь понять что это. Всё так и есть, или мы стали частью костюмированной инсценировки. А что? Буратина может устроить спектакль. Спектакли это вообще его конёк.

– Ладно, колись, где ты взял этот прикид. Там у вас что, ролевая вечеринка извращенцев, посвящённая девяностым? – Хватаю в руку крестик. – Это из чего сделано? Бутафория?

– А пэйджер... пэйджер есть? – подначивает Укус.

Буратина жуёт сигару, хмурится, делает вид, что оскорблён.

– Да ну вас, пацаны. Всё натуральное. Яхта эта моя. Ща поедим кататься. Я же за вами приплыл.

«Да ну на... Хоть убейте, не могу поверить, что человек, который ещё пару лет назад был безработным, который вообще нигде толком не работал в своей жизни, может купить яхту. Да её цена лямов тридцать не меньше. Что мог такого повернуть Буратина, чтобы совершить такую покупку.

– И на какие шиши? – теперь уже я становлюсь серьёзным. Мне нужен честный ответ на вопрос. Я ему не пацан, чтобы меня за нос водить.

– Удачное вложение, удачное знакомство, удачное стечение обстоятельств. Да тут много чего, всё сразу и не расскажешь. Короче, пацаны, собирайте шмотьё и едем. Сегодня я угощаю. Я же вам обещал закатить незабываемую вечеринку? Вы её получите. Кстати, а где Геракл?

– Он подустал немного, там в доме, щас разбуду. – Радостный Укус вприпрыжку взбегает на утёс, за ним спешит Поночка.

– Братан, скажи по чесноку. Неужели правда твоя? – Я с мольбой заглядываю в глаза Буратины.

– Моя, братан, моя. – Шепчет он с радостным придыханием. – Щас поедим, сам убедишься.

Неужели правда? Значит есть ещё один... ещё один смог выбиться в люди. Двадцать лет назад я бы всё поставил на Буратину. Я бы даже не усомнился, что человек с такой фантазией может добиться всего в этой жизни. Но позднее я приходил к мысли, что ключевое слово здесь «фантазия». Вся жизнь Буратины это сплошные фантазии и проекты. Эти проекты иногда давали успех, но по большей своей части были утопическими, и вся наша компания нередко становилась их жертвами. Так неужели один из проектов всё-таки выстрелил? Нет, это не зависть. Я не могу завидовать Буратине – человеку, одна улыбка которого вызывает приятное тепло внутри, человеку, обещаниям которого всегда хотелось верить, даже после того, когда они сотни раз не сбывались. Признаться, я и на вечеринку эту приехал только ради Буратины. Укус, Поночка, Геракл, все они мои друзья, но есть человек, который всегда скреплял эту нашу дружбу как раствор хорошего цемента. Этот человек – Буратина.

Поночка и Укус спускают с утёса Геракла, волокут его к Буратине. Геракл покачивается в их крепких руках и создаётся впечатление, что немцы тащат к своему главарю выловленного в лесах партизана. Образ партизана подчёркивает лохматая борода и рваный тельник, натянутый на хилые мощи Геракла.

–Ге-ерыч! – Буратина треплет обросшую щёку Геракла. Он вовремя воздерживается от комплиментов типа забурел и возмужал, а только чему-то тяжело вздыхает. – Ты я вижу приболел? Ну ничего, ща мы тебя мигом подлечим.

– На-аливай! – Геракл заносчиво задирает голову. Между ними всегда были натянутые отношения. Может быть это ревность, всё-таки Геракл был моим лучшим корешем, пока не появился Буратина.

– Всё там, дружище! Вон на той белоснежной посудине! – Буратина машет рукой в сторону яхты, но судя по виду Геракла, того совсем не волнует какая то там «посудина». В чём он сейчас нуждается, так это в наполненной до краёв посуде. – Там у нас и шампусик есть и вискарь.

– Шампусик свой сам пей. А водяра есть? – рычит Геракл.

– Для тебя всё найдём, не переживай. – Буратина хлопает по плечу Геракла и чуть не сбивает его с ног.

– А тёлки будут? – продолжает наезжать бородач.

– Всё будет Вова! – Теперь уже Буратина смотрит на приятеля оценивающе. – Ты бы хоть побрился, дружище, а то из тебя так себе ухажёр.

– Пошёл наХ... – в устах Геракла это тёплое дружеское выражение и на него уже давно никто не обижается.

– Всё пацаны! Жизнь короткая! Ключ на старт! – командует Буратина и пытается стащить лодку в воду. Все кроме Геракла дружной гурьбой, бросаются ему на помощь.

Под весом наших тел лодка едва не ушла под воду, но никто не согласился вылезти, и приехать второй ходкой. Видимо каждый из нас опасался, что волшебная яхта в любой момент может исчезнуть, отправиться в путешествие к Лазурным берегам без нас.

Оказавшись в перегруженной, грозящей вот-вот перевернуться лодке, в гурьбе горлающих наперебой друзей, я понимаю – началось. Это будет очередное приключение и снова неизвестно, чем оно закончится. Отплыв от берега, мы чуть не перевернулись, что грозило неминуемой гибелью Поночке, который так и не научился плавать. Слава Богу, всё обошлось, и резиновый борт лодки ткнулся в белый глянec яхты.

Мы поднялись по никелированной лестнице и Буратина, по хозяйски вышагивая по лакированной палубе, повёл нас на экскурсию по своим плавучим хоромам.

Яхта поразила меня масштабом, роскошью и красотой. Это было самое дорогое сооружение, принадлежащее частному лицу, на котором я когда-либо бывал.

Мы идём вслед за Буратиной гуськом, крутя головами, как школьники на экскурсии по Эрмитажу и под нашими ногами поскрипывает вощёный пол. Нос щекочет приятный запах чего-то совсем нового и дорогого. Я глажу покрытые лаком поручни, как будто провожу по глянцевой спине обалденно дорогой красотки, вглядываюсь в овальные тонированные окна, словно заглядываю красотке под юбку. А Буратина тем временем открывает одну из дверей.

– Вот это кают кампания.

Я замираю на пороге, разинув пасть.

Огромное помещение залито светом многочисленных ламп. Овальный на резных ножках стол стоит посредине, а вокруг него расставлены стулья с высокими как у тронов спинками. Вдоль стен обитых морёным деревом стоят два кожаных кресла и длинный диван. На полу ворситый ковёр, в котором по щиколотку утопают мои обутые в болотники ноги. Яркий свет отражается от белоснежных тарелок и хрустальных бокалов, расставленных на столе и бьёт по глазам. По периметру стола стоят вычурной формы позолоченные канделябры с незажжёнными свечами. Это дворец, настоящие царские хоромы.

В моей голове крутится лишь одна мысль: «каким образом за два года с момента нашей последней встречи Буратина превратился в олигарха?»

Наверное те же мысли мучают Поночку и Уксуса, которые как и я замерли на пороге кают кампании. Спасибо Гераклу, который вырвал нас из лап оцепенения.

– Ну чё, выпить то будет, или нет! – рвёт тишину его рык. Вот уж кого ничем не пронять.

– Всё будет Вовик! – Буратина ткнув Геракла кулаком в плечо, обращается уже к нам.

– Ну как вам парни?

– Ну-у ты бли-ин!

– Во бля-а!

– Класс! Ты это как...

Раздаётся наш нескладный хор.

– Уметь надо, пацаны. Я же говорил, меня держитесь и всё будет нарядно.

Все недоумённо переглянулись, видимо вспоминая, когда Буратина такое говорил. Вроде в нашу последнюю встречу у него всё было не так «нарядно» и он только лишь фонтанировал своими безумными проектами, в которые уже давно никто не верил. А тут...

– Пойдём, остальное покажу!

Мы выходим из кают кампании, и стучим своими говнодавами по первозданному лаку, продвигаясь вдоль борта с хромированными перилами.

– Это двухместная каюта! – распаивает очередную дверь Буратина.

Боже мой! Что это! Такие огромные кровати я видел только в буклетах пятизвёздочных апартаментов. Нет не Турецких клоповников, а тех мест, куда не суждено ступать ногам простых смертных. В обитые шпоном стены встроены светильники, приглушенный свет которых создаёт интимную атмосферу.

– Вот это траходром! Здесь бы секс-марафон устроить! – Озвучивает мои мысли Поночка.

– А ты потянешь секс-марафон, дружище? Лично мой конёк это шорт треки! – Снисходительно улыбается Буратина и его крупные белые зубы бликуют в розовом свете ламп.

– Ты мне партнёршу предоставь, а мы уж посмотрим, потяну, или нет... – мычит Поночка, видимо представляя себя в роли неутомимого мачо из немецкого порно-фильма.

– Да, а где тёлки? – снова раздаётся недовольный рык Геракла.

– Будет вам и бухло и тёлки, только не всё сразу парни. Что вы ей Богу как малолетки? – в голосе Буратины слышится обида. В такие моменты он не хочет слышать ничего кроме возгласов восхищения.

Экскурсия продолжается. Мы осматриваем камбуз, который по оснащению кухонной утварью и гарнитурой затыкает за пояс новую кухню в моей московской квартире; шикарный галюн, с белоснежным унитазом, раковиной с позолоченным смесителем и даже беде и , внимание: джакузи и небольшую сауну.

Поднимаясь по обитым резиной ступеням лестницы ведущей на верхнюю палубу и глядя в обтянутую бардовым пиджаком спину Буратины, я несколько раз с силой щипаю себя за ляжку. Больно, значит не сплю.

– Это капитанская рубка! – орёт Буратина, пытаясь перекричать певичек из группы «Комбинация», которые орут из огромной колонки расположенной на крыше рубки:

«Бу-ухгалтер. Милый мой бухгалтер

Вот он какой такой просто-ой ...»

Мы заваливаемся в небольшое помещение, которое по своей оснащённости не уступает пилотской кабине «Боинга». Шикарная панель с множеством сенсорных экранов, мигающих датчиков, тумблеров и никелированными гашетками по бокам увенчана овальной формы обитым кожей штурвалом. В кресле трансформере, расположенном напротив панели кто-то есть.

– Это наш капитан!

На крик Буратины кресло разворачивается на сто восемьдесят градусов и из него выскакивает небольшой человек в светлых джинсах и футболке. Смуглый, поджарый, узкоглазый, он чем-то напоминает китайца.

– А капитана вместе с яхтой продавали? – бесцеремонно спрашивает Поночка, словно перед ним находится неодушевлённый предмет.

– Ага, в придачу! – смеётся Буратина, жуя в зубах сигару.

– Тогда понятно, где ты её купил. На Алиэкспрессе по дешёвке, да ещё с китайцем в придачу.

– Вообще-то он татарин, а за китайца может и в рыло сунуть. Он же ещё и мой охранник по совместительству. – Буратина укоризненно качает головой.

– Да ну на... – Поночка пританцовывая, подходит вплотную к азиату. – Капитан и охранник, значит? Два в одном? Тогда точно с «Алиэкспресса». – Он смотрит на небольшого человека сверху вниз, но тот нисколько не смущаясь, отвечает ему долгим изучающим взглядом раскосых глаз. Одно неуловимое движение этого китайца и Поночка рухнет, словно подрубленное дерево, как это уже бывало не раз, когда он не рассчитывал остроуту и вес своих злых шуток. Но азиат улыбается и тянет ему руку.

– Женья!

– Женья?! – удивляюсь я вслух. Вот уж неожиданное имя для татарина.

– Знакомься, Женья, это Поночка, вот Сява, а там Уксус. – Буратина обводит рукой нашу троицу.

Схватив твёрдую как камень руку следом за Поночкой, я не спешу её отпускать.

– Слушай, Жека, как то неправильно получается. У нас у всех кликухи, мы так с детства привыкли. Будет нехорошо, если ты один среди нас будешь с человеческим именем ходить. Ты не против, если я тебе погоняю дам?

– Сява в этом деле мастер! – Буратина поднимает вверх большой палец, будто советует другу хорошего автослесаря, или проктолога.

– Ну, если не обидное... – Женья пожимает плечами.

– Жекичан подойдет? – мой вопрос тонет в дружном хохоте.

– Может быть Джеки Чан? – спрашивает Женья.

– Ну ты же не Джеки, а Жека. Просто сильно походишь на Джеки Чана, вот и будешь Жекичан.

Новоиспечённому Жекичану ничего не остаётся, как посмеяться вместе со всеми и согласиться на новое имя.

– Так я не понял, мы бухать будем, или нет? На кой хер ты нас сюда притащил? – слышится недовольный голос Геракла с нижней палубы. Оказывается, он даже не удосужился подняться с нами наверх и бродит внизу в поисках выпивки.

Буратина тяжело вздыхает и разводит руками, мол что с ним сделаешь. Вдруг выражение его лица резко меняется, и он бросается к пульту. Я бегу следом и мы вдвоём отгаскиваем Уксуса, видимо вовремя, потому что он уже успел пощёлкать какими-то тумблерами.

Дело в том, что этого человека вообще нельзя подпускать не то что к технике, ему нельзя давать в руки ни одной более менее ценной вещи, потому что он её тут же ломает. Такие вот руки у нашего Уксуса. Не зря же наш трудовик Забодай назвал его «сраным рукожопом». Кстати, Забодай и сам получил своё прозвище, потому что на его правой руке отсутствовал средний палец, и все его жесты рукой походили на то, что он грозит кому то «козочкой». Забодаю, забодаю...

– Ладно, Женья, поплыли уже, пока они яхту не доломали, – кричит Буратина.

Жекичан поворачивает тумблер на панели, мы слышим гул заработавшего движка и ощущаем мелкую вибрацию. Ах это сладкое чувство, когда несколько сотен лошадей стоящих на парах, бьют копытами, чтобы в один момент пуститься вскач.

– По-олный вперё-ёд! – орёт Буратина, и мы все ощущаем лёгкий толчок. Посудина начинает плавное движение.

– Жека, давай не торопись узлов двадцать! – командует Буратина, – идём по плану.

Жекичан, сидящий за капитанским пультом кивает и давит на гашетку, придавая яхте ускорение. Динамик швыряет в чёрную темень песню группы «На-На»:

«Ну что красивая поехали ката-ться,

От пристани отчалил теплохо-од...»

– А у нас есть какой-то план? – спрашиваю я Буратину.

– Ну а как же, дружище! Всё там внизу. Щас спустимся и забьём! – веселится Буратина.

– Да я не про это! Ты сказал Жекичану, что всё по плану. У нас есть план?

Буратина демонстрирует свою фирменную улыбку, от которой на щеках раньше появлялись ямочки, а теперь лишь глубокие борозды.

– Ты там в своей Москве совсем расслабляться разучился, братиш. Ну какой тебе нужен план, ты же не на своём заводе. Просто выдохни и получай удовольствие. Он обнимает меня за плечи. – Наш план на ближайшие дни – плыть вниз по течению и наслаждаться жизнью. Пойдёмте вниз, пацаны! – обращается он уже ко всем. – А то у нашего Геракла страшный сушняк, как бы он за борт не выпал.

Геракла обнаружили возле трюма, запертую дверь которого он безуспешно пытался открыть, дёргая за никелированную ручку.

– Чу-ет, чувствует, где есть! – смеётся Буратина. – Пошли в кают кампанию, там тоже есть.

Мы сгрудились вокруг стола, по центру которого Буратина водрузил коробку шампанского «Дом Периньон». Он суёт каждому в руки по бутылке, пока не доходит до Геракла.

– А-а про тебя то я забыл. – бросается куда то в угол, откуда выуживает квадратную бутылку Джека Дэниэлса и пихает её в руки бородачу.

– Это чё за хрень! Ты же знаешь, я американского не пью. Я патриот! – Геракл лупит кулаком по центру грязной тельняшки.

– Ну извини, братан, отечественного не держим! Если хочешь, я могу тебя высадить, там на берегу у вас наверное палёнка осталась.

Геракл поправ свой патриотический порыв, угрюмо свинчивает пробку с бутылки.

Одна за другой хлопают вылетающие пробки, и руки с бутылками тянутся к центру стола, где встречаются громким звоном.

– Ну, братцы, за встречу!

– За нас!

– За незабываемую вечеринку!

Пьём каждый из горла, обливаясь и давясь пеной.

– Вечеринка в стиле «девяностых» объявляется открытой! – провозглашает Буратина, поднимая вверх свою бутылку.

«Уррр-ааа!» – дружно орём и снова давимся кислой пеной.

Шампанское приятно бьёт по голове и животу, пускает тёплые токи по венам, и я чувствую себя счастливым. Вот теперь состоялось! Всё как и раньше, как тогда! Словно и не было этих двадцати лет. Мы все здесь ничуть не изменившиеся и такие же молодые. Ну и что, что Буратина раздался вширь, как спелый арбуз, а брюхо Поночки нависает над столом, бросая на него тень. Ну и что, что у Уксуса седые виски и залысины, а некогда плотный Геракл высох и оброс бородой. Ну и что, что моя морда приобрела округлые формы, а некогда роскошная шевелюра заметно поредела и на пятьдесят процентов состоит из седых волос. Я-то себя не вижу. Сейчас я тот же Сява, худой как велосипед, красивый и кудрявый пацан из девяностых.

– Братишка, ты уж извини, что мы не по дресс-коду. Ты у нас один в стиле девяностых одет, – говорит Поночка, закуривая.

– Ну почему один? – парирует Буратина. – Геракл вполне в образе; Сява, если свои говнодавы снимет, тоже может сойти; ты в комке смотришься вполне органично. Помнишь, ты после армии так и ходил целый год. Думал, на героя войны тёлки лучше вестись будут. Ошибался, конечно, ну да неважно. А для Уксуса у меня есть подарок.

Буратина подходит к дивану и выуживает из-за кожаной спинки нечто, повергающее всех в лёгкий шок.

– Бля! Это же...

– Аляска?

– Парни да это же та самая...

В руке Буратины тёмно-синяя куртка с отороченным вытертым мехом капюшоном и ярко красным подкладом.

– Помнишь, братан?

– Откуда она у тебя? – Уксус держит куртку перед собой в вытянутых руках, словно рассматривает раритетную картину.

– Оттуда, где ты её оставил. Не помнишь?

– Не-ет...

– Конечно, откуда тебе помнить, ты ведь в дрова тогда был. Вспоминай: ноябрь, дача Ёжика. Ты тогда таким бухим был, что не найдя Аляски нацепил какую то фуфлыгу.

Уксус становится серьёзным, молча кивает и натягивает Аляску на себя. Он не хочет вспоминать тот последний вечер на даче у Ёжика. Мы тоже не хотим.

Куртка пришлась Уксусу впору. Это единственный из нас человек, который сохранил свою комплекцию, да и куртки раньше покупали на два размера больше на перспективу. Тогда она висела на нём мешком, а сейчас плотно обтягивает его мощи.

– Спасибо, брат! – растроганный Уксус обнимает своего благодетеля. Этот новый прикид действительно сбрасывает с него лет двадцать.

– И куда же мы поплывём? – спрашивает Поночка.

– Куда? Назад в нашу молодость, пацаны. Не задавайте лишних вопросов, просто расслабьтесь и наслаждайтесь моментом. – Буратина, словно изнурённый жаждой человек, делает несколько огромных глотков и приканчивает свою бутылку.

– Вы помните, как мы сидели в «Арагви»?

– Когда? – хором спрашиваем мы с Поночкой.

– Какая разница когда? Хоть когда. Обычно мы собирались там по праздникам, или когда обмывали удачную делюгу.

Я тут же чувствую неистребимый запах пива и вижу всю нашу шайку, сидящую в прокуренном полумраке пивнушки за квадратным столом. По центру стоит бутылка спирта «Ройал» и графин с разведённым ядовито-жёлтым напитком «Юппи». Из закуски только банка с маринованными корнишонами и большая тарелка с засохшей мясной нарезкой.

– Давайте, пацаны, за удачу! – Молодой с ямочками на розовых щеках, вечно улыбающийся красавчик Буратина, одетый в китайскую олимпийку, поднимает гранёный стакан.

– За удачу! – слышу я свой срывающийся подростковый баритон и вижу свою худосочную ручонку со стаканом выпирающую из рукава серого свитера «Boys».

Уксус с торчащими в разные стороны белокурыми вихрами и побритый наголо Поночка, худой торс которого утопает в зелёном на вырост свитере, тянут свои стаканы к центру стола.

– Чтоб хуй стоял и деньги были! – басит круглолицый чернявый красавчик Геракл.

Стаканы звякают, я опрокидываю свой и чувствую сладковатый тошнотворный вкус тёплой химической субстанции, которая, сколько б ты её не пил, каждый раз будет спирать дышалку и вызывать приступы рвоты. Я прикрываю ладошкой рот, чтобы удержать в себе жидкость, которая вот-вот вырвется назад. Сейчас меня может спасти только одно. Хватаю за уши Геракла и притягиваю к себе его крупную башку с чёрной щетинистой шевелюрой. Втыкаю нос

прямо в центр его черепа и делаю глубокий вдох. Запах чего-то домашнего, живого, органического мгновенно нейтрализует химическую гадость. Этот запах как живой стоит у меня в носу.

Череп у Геракла остался всё такой же, крупный, квадратной формы. Только вот сверху теперь огромная, словно лесное озеро проплешина. Интересно, а сейчас его голова так же пахнет?

Голос Буратины прерывает ход моих раздумий.

– Представьте, что по одному щёлчку, мы из «Арагви» переместились прямо сюда. – Буратина звонко щёлкает пальцами. – Пацаны, вот мы и в будущем! Всё, о чём мы мечтали, сбылось. Наслаждайтесь жизнью!

– Ну не совсем всё! – Уксус крутит в руках бутылку, словно внимательно изучает этикетку. – Если ты помнишь, мы тогда ещё кое о чём мечтали. О том, о чём иногда уже месяцами не вспоминаем.

– А где тёлки? – Геракл роняет на стол некогда сокрушительный кулак, а Уксус одобрительно кивает в его сторону, мол, я о том и говорю.

– А тёлки будем добывать! Всё как и раньше. Нужно же привнести сюда хоть немного интриги, – говорит Буратина вальяжно отваливаясь на стуле и раскуривая всё тот же сигарный бычок.

– Как добывать? – спрашивает Поночка.

– Очень просто. По пути нашего следования будем завоёвывать города и селения, брать на бордаж корабли и другие, проплывающие мимо суда, будем штурмовать пляжи с загорающими красотками. Чем вам не приключения?

Геракл мычит, Поночка пожимает плечами, Уксус кисло морщится, на то он и Уксус. А мне приходится по душе идея Буратины.

– А что, я за! Раз уж у нас тематическая вечеринка нужно быть в образе. Соберитесь, пацаны, нам же по двадцать лет.

Поночка поднимает на меня взгляд, в котором бегущей строкой проплывает вопрос: «Ты уверен? В зеркало не хочешь посмотреть?».

Не хочу! Этой ночью я хочу избегать встреч со своим отражением. Я – Сява и мне двадцать!

– Вот это правильно! – орёт Буратина и раздаёт всем по очередной бутылке. – Гуляем, братва!

Хлопки, брызжущие во все стороны струи пены.

«Урра-а-а!»

В панорамном окне бегут редкие огоньки береговых огней, парни смеются, звенят бутылки, над ночной рекой летит песня «На-Ны».

«Фа-аина Фаина-а,

Фаина Фаина Фай-на-на-аа...»

Буратина и Поночка дружно подхватывают и пускаются в пляс. Мы с Уксусом присоединяемся, и даже Геракл выводит кренделя своими кривыми ногами, горланя с нами в унисон:

«Фа-аина Фаина-а,

Ах люблю тебя Фаина Фаина-а»

Сверху слышится бас ревуна и наш плавучий танцпол сбавляет скорость.

– О, кажется мы подплываем к первой остановке! – Буратина достаёт телефон и выбегает из каюты.

– Что ещё за остановка – кричу я, выходя за ним следом.

– Ещё одного человечка надо подобрать, – говорит Буратина, одновременно набивая текст в телефоне.

– Какого человечка?

– Хорошего! Тебе понравится! – Буратина хлопает меня по плечу свободной рукой. – Сейчас вместе с тобой за ним сплываем. Пойдём, поможешь лодку спустить.

Под недоумённое мычание выбежавших на палубу пацанов, Буратина травит лебёдку с прицепленной к ней моторкой, а я придерживаю лодку руками, чтобы она не цеплялась за борт.

– Сейчас вернёмся! Сюрприз! – орёт Буратина в ответ на вопросы парней, куда мы собрались. Мотор издаёт бодрое рычание, и мы плывём в сторону берега. Прохладный ночной воздух обдувает моё помолодевшее лицо, раздувает розовые щёки, треплет курчавые, чёрные как смоль волосы. Я снова молодой, и мы с моим лучшим другом летим навстречу очередным приключениям. Судя по чёрным силуэтам высоток и мелькающей вдали подсветке пешеходного моста, мы где-то в районе городского центра. Точно! Вижу стремительно приближающийся нижний ярус набережной. Широкая умоощенная брусчаткой полоска берега пустынна и только маленький огонёк, словно одинокий светлячок, мерцает в темноте. Буратина берёт курс прямо на этот огонёк, надаёт газу и летит прямо в высокий бетонный парапет. Я напрягаюсь и сжимаю поручни. Возле самого берега лодка резко поворачивает и бьётся правым бортом в парапет так, что я еле удерживаюсь, чтобы не вылететь и не шмякнуться об бетон. Эмоции выплёскиваются из меня естественным потоком.

– Буратина придурок! Тебе надувной матрас доверять нельзя, не то, что устройство с мотором.

Сверху раздаётся женский смех, и я слышу голос, который кажется мне знакомым.

– Серёжка, ты как всегда в своём репертуаре. Ты же меня с ног до головы водой окатил. Правильно Славка говорит, что ты придурок!

Густой, маслянистый и певучий. Этот голос не спутать ни с каким другим. Он повергает меня в шок. Неужели сейчас после стольких лет я увижу её? Зачем...зачем он её позвал? Я не хочу её видеть. Хочу запомнить её той дерзкой зажигалкой, жизнерадостной и боевой красоткой. Хочу, чтобы она оставалась той, которую мы оба безуспешно добивались и которой оказались недостойны. Я не хочу испоганить одно из моих самых лучших воспоминаний в жизни. Какой она стала? Зачем мне её такой видеть?

Я медленно поднимаю глаза. Бог ты мой! В ночном полумраке это всё та же Светка, или Ворона, как мы называли её между собой за иссиня чёрные волосы. Она в светлом, облегающем вполне подтянутые бёдра платье и накинутом на плечи длинном кардигане. Я не в силах посмотреть ей в лицо рассматриваю красивый педикюр на пальчиках выглядывающих из бежевых туфель на высоких каблуках.

– Мы так и будем стоять, или вы мне спуститься можете?

Я первым вылетаю из лодки и поднимаюсь по бетонным ступенькам.

– Ну привет, Света!

Боже мой! Да она всё такая же красотка! Нет, я бы сказал, что она стала ещё красивее. Её ухоженное лицо приобрело большую женственность, а небольшие стрелочки в углах губ только придают шарма, ну как у Шерон Стоун. Да какая Шерон Стоун, она по сравнению с нашей Вороной просто замухрышка. Волосы Светки такие же густые и чёрные, только теперь они пострижены в аккуратное каре. Её фигура конечно изменилась. Она не осталась такой же поджарой, как у той девчонки, но приобрела округлые и даже более сексуальные очертания. Шарма придают сверкающие в ушах брюлики и ожерелье украшающее глубокое декольте. Да она просто королева!

Я беру её руку, подношу к губам и нежно целую.

– О, а ты превратился в галантного кавалера. Жаль, костюмчик не соответствует. Она окидывает взглядом мою красную олимпийку.

Светка в своём репертуаре, не может без колкостей.

– А у нас между прочим тематическая вечеринка, посвящённая «девяностым», так, что я в теме, а вот ты...

– А чем тебе мой наряд не нравится? Мне осталось только ваты под плечи напихать, прицепить клипсы, да накраситься в три раза поярче, и я снова деваха из девяностых. – смеётся Светка.

– Привет! – Буратина оттесняет меня плечом, обнимает Светку, целует её, как свою, долго трётся щекой.

Я замечаю в себе приступ накатившей ревности. Неужели всё начинается заново?

– Ну хватит церемоний! Везите меня уже на свой пиратский корабль! – командует Светка.

Пока мы плывём назад, я вспоминаю. Мы сидим с ней плечом к плечу, я чувствую тепло исходящее от её тела, тепло которое проникает через толщу её кардигана и моей олимпийки. Мы снова рядом и воспоминания бурлят как вода, взбиваемая мотором лодки, захлёстывают за борт, и я тону.

Она пришла к нам в седьмом классе и тут же обратила на себя внимание половины школы. На неё заглядывались не только одноклассники и парни с параллели, но и старшаки. Её воделели похотливый физрук и молодящийся военрук, с ней пытались флиртовать все кому не лень, но она умела быстро отшивать ненужных ухажеров.

Наш с ней контакт состоялся уже на третий день после её прибытия в наш класс.

Не помню, посадила ли её Маргуша, или она сама выбрала себе место на предпоследней парте рядом с сухопарым Толей Путровым. Случилось так, что последняя парта, которая находилась за её спиной, имела двух неизменных хозяев. Это были мы с Гераклом.

Я сразу же запал на черноглазую, острую на язычок, жгучую брюнетку. Света была не только красоткой, а ещё и умницей потому, что первыми же ответами на уроках стала затыкать за пояс всех отличников, и даже самого Ленина. С момента как чёрный лоснящийся конский хвост появился перед моими глазами, я уже не мог думать об уроках. Признаться, я и раньше о них не особо думал, но появление этого объекта заставило меня забыть обо всём на свете. Я только и делал, что пялился на этот хвост, и меня захлёстывали эротические фантазии. Уже на третий день я не выдержал и решил переходить к активным действиям. Честно говоря, я мало что тогда решал, в основном все решения за меня принимала другая голова, та, что находилась ниже пояса.

Я не мог совладать со своими желаниями, мне хотелось тактильного контакта с плодом моего вожеления. Что может быть проще, когда плод на расстоянии вытянутой руки. И я стал медленно протягивать ту самую руку к заднице Светки. Рука удлинялась, раскладывалась под партой подобно телескопической антенне, пока средний палец не коснулся шершавой материи юбки. Теперь, если бы я и захотел оторвать палец, то не смог бы этого сделать, он был словно примагничен. Палец был связующим мостиком, тонким проводком, через который текли потоки электрической энергии. Разряды тока, проходящие через всё тело, повергали меня в мелкую дрожь. Тогда я молил только об одном, чтобы урок не заканчивался и продолжался вечно. Со временем мне захотелось усилить контакт, и я выдвигал палец всё дальше и дальше, пока не начал чувствовать поддающуюся плоть. Ягодица оказалась нереально мягкой, и палец утопал в ней, как в пуховой подушке. Я начал делать медленные поступательные движения пальцем, перемещая его туда-сюда. Палец всё глубже утопал в мягкой перине, а потом, словно под действием пружины двигался назад. Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

Соседка спереди не выражала никаких эмоций, только мочки ушек, с торчащими в них золотыми гвоздиками, заметно покраснели.

«Ей нравится!» – подумалось мне, и тогда я перешёл к более решительным действиям. Под аккомпанемент звонкого голоса химички, которая объясняла что-то про валентность чего-то, я водил пальцем сверху вниз, постепенно увеличивая амплитуду. Мягкие движения очерчивали идеальные формы ягодицы, нащупывали жесткие края трусиков, ползли вверх к копчику, а потом вниз, переваливаясь через круглый бугорок. Вверх- вниз, вверх-вниз, вверх-

вниз. Вправо, описывая овал бедра, влево, через шов трусиков к заветной впадинке между ягодицами. Вправо-влево, вправо-влево, вверх-вниз, вверх...

Внезапно ягодица под моим пальцем превратилась в камень. Светка резко развернулась, привстала и со всей мочи отвесила ладошкой звонкую затрещину Гераклу.

Класс разорвался диким хохотом. Пунцово-красный Геракл держался за подбитую щёку, а Светка развернулась назад и сидела, как ни в чём не бывало.

– Чиканутая! – пробасил Геракл под непрекращающийся дружный хохот.

Несмотря на решительный отпор, я продолжил свои атаки. Может быть, если бы та пощёчина прилетела по назначению, у меня было бы гораздо меньше желания, но мои страдания принял Геракл, который с той поры невзлюбил Светку. Не зря же говорят, что первое впечатление самое сильное. А если тебе при первой встрече незаслуженно дают леща, да ещё при всём честном народе, то и вектор этого впечатления соответствующий.

К сожалению, все мои подкаты терпели фиаско, и спустя время я осознал, что не являюсь типажом Светки. Ей нравились более крупные, более взрослые, более сознательные... Ну, такие, как Ленин. Словом, Ворона (этой кличкой она удостоилась, как только я понял, что отшит окончательно и бесповоротно) начала встречаться с Лениным. Началось с того, что они мило щебетали, как два голубка на каждой перемене, вызывая во мне приступы гнева. Потом Ленин стал провожать Ворону домой, а позже сладкая парочка была замечена нами прогуливающимися по улицам вечернего города.

Я возненавидел Ворону даже не за то, что она меня отшила, а за то, что предпочла моему лютому врагу. В моей голове роились планы коварного отмщения, но из-за переизбытка гормонов я не мог придумать ничего толкового. Буратина заметив мои душевные метания, решил меня странным образом успокоить.

– Не парься, дружище! Она тебя недостойна, раз замутила с Лениным. Но я знаю, как отомстить им обоим. Я отобью Ворону у Ленина, а потом сам её кину. Ты же знаешь, она не в моём вкусе.

Буратина врал. Ворона не могла ему не нравиться. Он просто выжидал момента и теперь дождался предложения, чтобы им воспользоваться. Мой друг не испытывал дефицита во внимании противоположного пола. Как же, ведь он был неординарным, своеобразным и даже немножко не от мира сего. Он первым ввёл в школе моду обвешивать пиджак клёпками и значками. Он первым стал носить узкие дерматиновые галстуки, расписанные иностранными словами с непонятной символикой. Наверное, он был одним из всех учащихся мужского пола, кто осмелился отрастить длинные патлы и забрать их в хвостик. Носить ярко жёлтую рубаху и белые носки, наверное, тоже никто бы не осмелился, но благодаря харизме Буратины всё сходило ему с рук. У старшаков не поднималась рука начистить рыло этому патлатому стилиге – уж очень обаятельно и открыто сверкала его жемчужная улыбка. По той же причине ни одна училка не могла привлечь его к ответственности за аморальный облик.

Ещё он был красноречивым болтуном,
ещё он был подхалимом, втирающимся в доверие,
ещё он был авантюристом,
ещё он был хроническим вруном.

Но ему было можно, ему всё прощалось, потому что это Буратина. Уже тогда Буратина на интуитивном уровне знал, что такое пиар и ставил свой фирменный знак «SB», обозначающий его инициалы на английском языке, везде, где только можно. Он расписывал своими инициалами обложки тетрадей и дневников, ставил их на корочках не только своих, но и чужих учебников, рисовал их бычком на стенах подъездов, выводил краской на подъездных дверях. Весь наш двор пестрил филигранно выведенными логотипами «SB». Они появлялись на металлических гаражах, качелях, деревянных беседках, мелкие и крупные, всех цветов радуги и размножению этого бренда не было предела. Эта была редкая непонятная нам болезнь, от которой

сейчас страдает девяносто процентов населения. Словом Буратина был личностью публичной, и у него было гораздо больше шансов завоевать сердце Вороны.

Всё так и вышло. Несколько экстравагантных подкатов; букет из пятнадцати роз, подобранный на порог квартиры; разбудившая весь дом серенада в исполнении Майкла Джексона, изливающаяся из колонок стереосистемы в двенадцать часов ночи под окнами пятиэтажки, заставили дрогнуть сердце юной красавицы. В какой-то момент она стала мило общаться с Буратиной, которого до этого старалась не замечать. Только это и было нужно, чтобы заставить Ленина взбеситься и отвернуться от Светки. Позднее, прогуливаясь со своим новым избранником, она рассказывала, что Ленин оказался ужасно скучным и серым, таким же, как книги его тётки. Он был до тошноты правильным и говорил одними догмами.

Итак, одна часть коварного плана Буратины была реализована, но он почему-то не спешил переходить к следующей, о чём я ему неоднократно напоминал. Позднее я понял, что эта вторая часть плана существовала только в моей голове. План Буратины был гораздо короче. Он не собирался расставаться со Светкой, так как она ему нравилась. Наверное, это моё осознание привело бы нас с Буратиной к конфликту, но следующие события заставили нас сплотиться ещё ближе.

Ленин оказался злопамятным. Красавчика, отличника и спортсмена Женю Смирницкого вгоняла в бешенство мысль, что его променяли на какое то отребье в заклёпках, да ещё и с хвостом. Кто же она после этого? Просто шлюха, беспринципная давалка. Женя ещё не был народным избранником, и в его голове всё делилось на белое и чёрное. Светка в его глазах вмиг окрасилась в чёрный цвет. Ленин стал распускать по школе слухи, что он сам бросил Светку из-за того, что узнал, что она шалава и у неё до него было аж двадцать мужиков. Сарафанное радио работало тогда эффективнее любых соцсетей, и уже через день о неподобающем поведении Светки гудела вся школа. Она услышала страшную новость в столовой от Ольги Дерябиной и мгновенно поняла, откуда растут ноги.

Ленин в это время сидел за столом напротив и чему-то довольно ухмылялся, поедая сосиски со своими дружками отличниками. Светка думала недолго. Она взяла миску с дымящейся субстанцией, которую повара выдавали за щи, и решительно направилась к соседнему столику. Ленин не успел понять, что происходит, когда горячая жижа, как из ведра обрушилась на его высоколобый череп. Зрелище было отпадным. По вытянутой морде текли жирные струи, а на ушах и носу повисли ошмётки варёной капусты. От яйцообразного черепа курился лёгкий дымок.

– Это тебе за шлюху, – сказала Светка и напялила железную плоску на макушку Ленина. Выемка в тарелке идеально совпала с овалом головы, так что Ленин не сразу смог снять свой новый головной убор. Мы открыто и громко хохотали, друзья отличники смущённо прыскали в кулачки, а ставшая красной как свекла Маргуша только и могла, что качать головой из стороны в сторону.

– Дура! – Это всё что мог сказать тогда Ленин, растерянно снимая с носа капустный лист. Правила хорошего тона не позволяли ему вскочить из-за стола и дать Светке в нос. Тогда он ещё не был депутатом.

А для Вороны всё решилось этим же днём. Неприятный разговор с Маргушей и завучами, а так же осознание того, что в этой школе все будут указывать на неё пальцем, заставили Светку написать заявление о переводе в другую школу.

– Так будет даже лучше! – Пытался утешить её и себя Буратина.

Но лучше не стало. Новая школа – новые друзья. С первых же дней посещения другой школы у Светки появился новый воздыхатель. Это был какой-то отмороженный бычок, который не давал ей проходу. Об этом она пожаловалась вечером Буратине, который на следующий день сбежал с уроков, чтобы встретить её лично.

Вечером Буратина появился на нашей сходке в летней беседке с огромным фиолетово-бардовым бланшем, который спускался с переносицы на оба глаза, делая их узкими, как у китайца.

Возмущённый беспределом чужаков, я призвал братву к мщению, но не нашёл должного отклика. Поночка ссылаясь, что как раз завтра в это время ему нужно идти к зубному, Геракл прямо заявил, что не пойдёт, потому что «Кто она такая эта Варона, чтобы за неё вписываться», а Укус развёл философскую демагогию о том, что в наше время конфликты нужно улаживать цивилизованными методами.

– Драка это не наше, вы же знаете...

– Когда бьют твоего друга, нужно отвечать тем же самым. Глаз за глаз... А вся твоя демагогия это интеллигентское нытьё и сопли, которыми ты прикрываешь свою трусость. – зло ответил я.

На следующий день в это же время, сидя на деревянных перилах и промокивая окровавленным платком саднящий не перестающий кровоточить нос, я произнёс следующие слова.

– Да... драки это не наше. Это просто варварский метод решения конфликтов.

– В самом деле... мы же в двадцатом веке, пора уже улаживать вопросы цивилизованными методами... – философствовал сидящий рядом Буратина, который вдобавок ко вчерашнему бланшу обзавёлся огромной во весь лоб ссадиной от рельефного протектора китайского кроссовка.

Сказать было проще, чем сделать. Сложно вести дипломатические переговоры с перекачаным бычком, один кулак которого больше твоей головы. Наверное, проще договориться с кирпичной стеной, да и вопрос был весьма деликатным. Словом мы решили взять таймаут, пока наши отбитые головы не отойдут, чтобы придумать что-нибудь толковое. Но Светка всё придумала за нас. Она каким-то чудесным образом отбрила навязчивого быка-кавалера и сказала Буратине, что теперь он может смело её встречать, не опасаясь получить по чавке. По какой-то причине она и в отношении меня сменила гнев на милость, стала приветливой и даже позвала на свой день рождения. Наверное её впечатлил мой благородный порыв, так ведь тогда я пытался заступиться за друга, а она была совершенно не причём. И тем не менее Ворона благожелательно расположилась ко мне, а потом и ко всей нашей компании. Она стала единственной девчонкой в нашей недавно зародившейся конторе, и это сильно напрягало большую часть её членов. Поночка, Геракл и Укус негодовали. Они в голос кричали что бабе не место в нашей организации. Их недовольство было отчасти справедливо, потому что отец Вороны оказался ментом при должности, а мы с некоторых пор вели не совсем добропорядочный образ жизни.

– Она же первая нас сдаст. Вот поссорится с тобой и в этот же день настучит мусорам, чем мы занимаемся! Ей и ходить далеко не надо будет, только два шага до спальни предков. – шипел Поночка на Буратину после первого визита Вороны в нашу летнюю резиденцию, коей являлась скрипящая полуразвалившаяся дворовая беседка.

– Не сдаст! Я за неё отвечаю! – коротко отрубил Буратина. К его словам были вынуждены прислушиваться все, потому что Буратина и был нашим идейным вдохновителем. Все идеи и проекты выходили из его светловолосой головы. Так и случилось, что Ворона прописалась в нашей конторе. Со временем она настолько вжилась в роль атаманши, что и сама подкинула несколько стоящих идей.

Чем же мы занимались? Когда я вспоминаю, чем мы тогда занимались, мне кажется, что это было не со мной. Это делал не я, а тот совершенно чужой и далёкий от меня теперешнего человек. А занимались мы всем понемножку. Всем, кроме учёбы, занятий спортом и добро-совестного заработка. В основном это были мелкие кражи и небольшие аферы, которые позволяли нам тогда жить довольно безбедно. Мы не были блатными. Мы не грабили и не нападали на людей, мы не занимались рекетом, мы не торговали наркотой и старались как можно дальше держаться от братвы, хотя со временем вынуждены были с ней познакомиться. Да, мы

старались следовать кое-каким принципом, но когда ходишь по скользкой дорожке, постоянно скатываешься либо на обочину, либо в яму.

Она смотрит на меня и улыбается, словно вспоминает что-то далёкое и очень доброе. Ветер треплет её каре, хлещет по подведённым глазам, заставляя их слезиться, но она продолжает смотреть и улыбаться. Я тоже улыбаюсь, но не могу смотреть на неё вот так вот в упор. Всё-таки она здесь не из-за меня. На такую авантюру может вдохновить только один человек. Сейчас он сидит за её спиной, щерит белозубый, сжимающий бычок сигары рот, зачем то хитро подмигивает, словно говорит, чего же ты оробел, дружище. У них всё случилось тогда и тогда же закончилось. У нас не закончилось. Может быть, в этом и состоит причина моего смущения.

– А ты хорошо выглядишь, Слава! – она пытается перекричать дуэт ветра и японского мотора.

– Да какой там... – я машу рукой. – Извини, это должны были быть мои слова.

– Нет, я серьезно! Ты почти не изменился. Говорят в Москве сейчас? Большим начальником стал?

– Не большим... маленьким начальничком. Большой начальник за твоей спиной. – Я киваю в сторону Буратины.

– Ага! Только когда он им стать-то успел? – смеётся Светка.

– А он им всегда был, по крайней мере в моих глазах! – ору я в ответ. – А ты как?

– Что значит «как»? Что тебя конкретно интересует?

– Где работаешь?

Конечно же в первую очередь меня интересует, замужем ли Светка, но этот вопрос я пока не решаюсь задать.

– У меня своя юридическая контора.

– Вот это да! – Я качаю головой.

Могли ли мы все подумать тогда, что беспринципная атаманша, в будущем будет улаживать правовые вопросы.

Мы подплываем к белоснежному борту под ломающийся голосок вечно молодого Юры Шатунова:

«Пу-усть в твои окна смотрит беспечный розовый ве-ече-ер,

Пусть провожает ро-озовым взглядом смотрит ва-ам в сле-ед...»

Буратина первым запрыгивает по трапу, затем подаёт руку Светке.

– Ка-акие люди! – Поночка робко приветствует Светку, едва касаясь её предплечий.

– Света, ты что ли? – тянется обниматься Укусус, но Светка доли секунды стоит, не в силах признать в сухой, подёрнутой морщинами физиономии, розовое личико Игорька Белого, её бывшего одноклассника и по совместительству поделщика.

Развевая наконец-то сомнения, она радостно прижимает Укусуса к себе.

– И-игорь, рада видеть!

Геракл подходит последним. Он неизменно пошатывается и держит руки в карманах растянутых треников; прищуривается, вглядываясь в Светкино лицо, потом горделиво задирает голову, словно демонстрируя свою косматую бородёнку.

– Ка-аво я ви-жу! Во...

– Только назови меня Вороной! – перебивает его гостя – Получишь похлеще, чем тогда на уроке.

– Во-о-он ты какая стала! – Геракл видимо не захотел искушать судьбу. Конечно, на своём тернистом пути, он сумел отхватить много крепких лещей, но всё же детские впечатления, они самые сильные. – Пойдём намахнём за встречу, подруга!

Светка не против. Она даже очень за. Ей нужно телепортироваться на двадцать лет назад, а для этого необходимо принять на грудь ударную дозу жгучей субстанции, без которой полноценного перемещения в прошлое не получится. Эта волшебная жидкость выравнивает мор-

щины и статусы, она снимает с тебя толстый слой ненужного лоска и делает чистым, лёгким и непосредственным, как в юности.

Час или два мы общаемся все впятером, как в старые добрые времена. На столе волшебным образом появляются суши и сыр, и это как нельзя кстати, так как я уже изрядно проголодался.

Выпиваем, орём, перекрикивая ДешпМод, Технологию, Ласковый Май и Вадима Каза-
ченко;

снова выпиваем, танцуем на баке под Женю Белоусова, «Мираж и «Модерн Токинг»;
опять выпиваем, снова оживлённо болтаем, причём говорим одновременно, словно боимся,
что не успеем рассказать все истории, что копили все двадцать лет специально для этого вечера;
и пляшем, пляшем, пляшем...

Наши танцы становятся всё отвязней и раскрепощённой. Огромный Поночка трясёт своим пузом, словно холодцом попеременно приставляя одну ногу к другой; Укус кривляется, подняв обе руки со сжатыми кулаками вверх, словно защищаясь от налетевшей гопоты; Буратина пляшет солидно, по-взрослому, с прямой (будто лом проглотил спиной), и согнутыми в локтях руками. Он чуть сгибает ноги в коленях, как ревматичный старикан, решивший сделать утреннюю гимнастику, и в этом малиновом пиджаке и белых брюках напоминает мне Льва Лещенко. Я тоже как-то там кривляюсь, но мои движения представляются мне идеально пластичными ритмичными и сексуальными (я ведь не вижу себя со стороны). Вместо зеркала я смотрюсь в Светку, которая изящно виляет бёдрами. Одни её руки чего стоят. Они танцуют отдельно, извиваются, переплетаются, словно лианы. Кисти с длинными маникюренными пальцами танцуют уже отдельно от рук. Голова на длинной шее тоже движется, танцует, чёрные блестящие глаза излучают килоджоули энергии. Они смотрят только на меня (по крайней мере, сегодня мне так кажется). Не танцует только Геракл. Он угрюмо зыркает на нас из-за стола и время от времени заливает в себя порцию виски, надолго запрокидывая голову назад.

Натанцевавшись, мы хватаем свои бокалы и падаем на диваны и стулья.

– А куда мы плывём? – задаёт резонный вопрос Светка.

– Назад в прошлое! Чем дальше заплывём, тем лучше. – отвечает Буратина.

Удовлетворённая этим ответом Светка кивает головой, но тут же задаёт следующий вопрос.

– А кто управляет яхтой?

Теперь уже я решаю показать свою осведомлённость.

– Жекичан! Это китаец, которого Буратина арендовал вместе с яхтой.

Поночка и Укус хохочут.

– Кончай, Сява, я же сказал, что яхта эта моя... – Буратина, судя по румянцу, выступившему на щеках, начинает раздражаться.

– Докажи! – раздаётся бас Геракла.

Буратина бегаёт взглядом по каюте, в поисках факта, который явится неоспоримым доказательством того, что он собственник яхты. Судя по сузившимся зрачкам, он быстро находит то, что искал. Это «что-то» находится по центру обитой шпоном стенки каюты. Пока я пытаюсь сообразить, какую байку придумает мой старый друг, он перехватывает недопитую бутылку шампанского за горлышко и со всей дури швыряет её в стенку, на которой висит плазменная панель. Бутылка делает несколько кульбитов в воздухе и впечатывается толстым дном прямо в центр панели, из которого тут же во все стороны разбегаются искрящиеся лучи.

– Ты чё, больной? – кричит Светка.

– Во дибил! – где-то за моей спиной шепчет Поночка.

– Хороший аргумент – подводит итог бас Геракла.

Буратина встаёт с дивана, вальяжным шагом направляется к стенке, с корнем выдирает из неё панель и волочёт её из кают кампании на палубу.

Я, Светка и Поночка выбегаем за ним следом, мы должны видеть, чем закончится шоу.
– Я уже давно хотел её заменить. – Кряхтит Буратина ухватив панель за края и с размаху швыряя её за борт.

Мы стоим вдоль борта, взглядами провожая в последний путь незаслуженно пострадавшую технику, которая никак не хочет уходить под воду.

– И за бо-орт её бросает, в набега-авшую волну – грустно мычит Поночка, глядя вниз.

– Ещё доказательства нужны? – зло спрашивает Буратина, развернувшись ко мне.

– Нет! Хватит! А то ты всю яхту на хрен затопишь!

Выпиваем ещё раз, а потом, как и раньше, наша контора распадается на звенья.

Звено Поночки и Уксуса склонилось над столом и играет в невидимые шахматы, самое маленькое звено, в которое входит один лишь Геракл, храпит возле трапа, ведущего на верхнюю палубу, а наше звено, состоящее из меня, Буратины и Светки томно дымит на баке, сидя в белых шезлонгах.

– Мы на якоре? – спрашиваю я Буратину, только сейчас заметив, что двигатель заглушен.

– Да, Жекичан хоть и герой китайских боевиков, но всё же человек, который тоже нуждается в отдыхе. – Буратина развалившийся в шезлонге с сигарой в зубах вызывает у меня ассоциации с Черчиллем.

– Капитан что и правда китаец? – спрашивает Светка.

– Теперь уже да... – тяжело вздыхает Буратина.

Небо начинает белеть, и я с грустью замечая, что волшебная ночь близится к концу. Русло в этом месте широкое и берега, утопающие в предрассветном тумане, почти не видны. Ночь невероятно тёплая для конца августа. Нас обдаёт лёгким ветерком и мы втроём молча балдеем, запуская струи дыма в свежий пропитанный молодым ветром воздух. Динамик на рубке один за другим выдаёт мотивы, которые, хочешь не хочешь, возвращают нас туда.

– Я люблю вас ма-а-альчики, я люблю вас де-евочки... – поём мы хором с Ромой Жуковым. Я смотрю на эти родные лица, которые сейчас в предрассветном сумраке стали чуть голубоватыми и мне жалко каждой секунды уходящей ночи. Буратина, внезапно спохватившись, убегает в каюту и мы остаёмся вдвоём. Я заглядываю в её смеющиеся блестящие глаза и думаю: «А ведь у нас всё могло с тобой получиться. Всё могло бы быть по другому если бы...».

– Ты женат? – она задаёт вопрос, который я так и не решился задать ей.

– Да, женат! Два сына есть, уже взрослые. – я тяжело вздыхаю, подумав о жене. Она сейчас безмятежно спит в московской квартире, даже не подозревая, что я нахожусь на белоснежной яхте в обществе своей так и не случившейся любви.

– А ты... ты замужем?

– Нет, давно уже развелась. Мне надоело играть в эти семейные игры. Одной проще, да и дети уже взрослые. – она подносит острый коготок к глазу, доставая невидимую соринку.

– Как ты решилась сюда приехать?

– Сама не знаю – смеётся она. – Наверное, очередной кризис среднего возраста. Ещё год назад я бы и не подумала сюда заявиться, а сейчас вдруг что-то поменялась. Не знаю, может быть это ностальгия, или грусть по чему-то уходящему навсегда. Признаться, я эти двадцать лет и не вспоминала о вас, просто однажды приказала себе забыть и всё... а сейчас будто и не было этого срока. Спасибо Серёжке, что устроил такой праздник.

Я слежу за движением её красивых подведённых губ, слушаю этот мягкий голос, люблю её горделивой осанкой, закинутой на коленку оголённой ножкой и чувствую, начинается...

– А я вот часто вспоминал о тебе...

Слава богу, что мой ведущий в тупик монолог прерывает появившийся Буратина. Он демонстрирует нам длинную папироску, кончик которой закручен как фантик у конфеты.

– Сейчас мы точно вспомним молодость.

Мы по очереди вдыхаем терпкий, пряный, давно забытый дымок, надолго задерживаем его в себе, и выдыхаем его почти прозрачным, оставляющим волшебную зелень где-то внутри. Светка закашливается, и её кашель плавно перерастает в хохот.

– Вот же дура! – Видели бы меня мои подчинённые.

– А мои! – ржу я в ответ.

– Да ну вас... – выдыхает волшебный дымок Буратина. – Забудьте, кто вы есть и сколько вам лет, а то и правда смотрите, как накуривающиеся на задворках школы учителя.

Мы прыскаем и взрываемся очередной вспышкой хохота.

– Давайте лучше чёнибудь прикольное из школы вспомним. Помните, как Вовик на алгебре ось координат подписал?

– Это когда он...ха-ха-ха... – заливаюсь я, вспоминая отмоченный Гераклом номер.

– Вы про что? Я не помню... – говорит Светка, но уже заранее улыбается, держа на взводе очередной приступ смеха.

Мы наперебой рассказываем, как математичка вызвала Геракла к доске, и попросила его нарисовать синусоиду. Всё что мог сделать этот юный математик, это нарисовать две кривые перекрещивающиеся линии. Математичка приказала подписать оси, но Геракл растерянно переминался с ноги на ногу.

– Никифоров, ну ты что, не знаешь обозначения осей? – раздражённо кричала математичка. – Пиши: и-икс, и-и-грэк, зэ-эд!

И Геракл написал. Под горизонтальной линией крупными буквами он вывел три буквы, которые тут же объединились в знакомое всем слово.

Жирная надпись «ХУЙ», вызвала шквал хохота и нервный тик математички.

– Это что?! – орала она, перекрикивая гогочущий класс.

– Это название координат: икс, игрек и эд. Я просто забыл, как «зэд» пишется. – Геракл стоял у доски, потупив взор, но в уголке его рта я заметил эту шкодливую подленькую, хорошо мне знакомую улыбку.

Скандал был жуткий. Предков Геракла в который раз вызвали к завучу, но его подвиг гремел на всю школу, ещё долго передаваясь из уст в уста.

Мы хохочем до слез, до коликов, до судорожных припадков, а отсмеявшись, вспоминаем другую историю.

О том, как мы с Буратиной на химии накапали Демиду на стул серной кислоты, а потом, на перемене наблюдали, как шелушатся на заднице его штаны и на них образуется огромная дыра с рваными краями;

О том, как наполнив водой презерватив, скинули его с четвёртого этажа на школьное крыльцо, обдав холодным душем добрую половину «А-шников», которые выстроились для группового фото;

«О том, как Поночка подкарауливал меня за дверью класса с грязной половой тряпкой, но внезапно вошла Маргуша. Поночка залепил ей в лицо мокрой тряпкой, после чего его чуть не выгнали из школы»

«О том, как в столовой набирали полную ложку пшённой каши, клали её на край стола, чтобы конец ложки торчал в воздухе, а потом лупили по нему, так, что самодельная катапульта улетала в другой конец большого зала, откуда раздавались визги и ругательства попавшего под раздачу счастливого»

Мы вспоминаем...вспоминаем и кажется, что нашим воспоминаниям и ржачу не будет края. Мы вспоминаем случаи во дворе, школе, казусы с учителями и родителями. Мы вспоминаем всё, кроме того, что касалось нашей конторы, Ленина и ещё одного человека по имени Саша Мухин. Конечно, было много смешных ситуаций связанных и с конторой и с Лениным и с Сашей, но дело в том, что их объединяет ещё и грустная история, о которой, хочешь не хочешь, тоже придётся вспомнить. Сегодня не хочется...

– Всё, больше не могу! – Светка отваливается на спинку шезлонга. Её щёки уляпаны чёрными разводами, а из глаз текут, размывающие макияж бурые ручьи.

Мы тоже устали и замолкаем как по команде. А небо уже просветлело. Река приобрела серебристый оттенок. Дальний берег позолочен солнцем. Под неспешное, ритмичное цыканье ударников, протяжно хрипит голос солиста «Аэросмитов».

Мне снова взгрустнулось. Я смотрю, на ставшее детским и чумазым лицо Светки и мне хочется её обнять.

Буратина замечает мой порыв. Он обаятельно улыбается, так как может только он. Он всё понимает, мой старый друг. Он позвал сюда Светку не для себя. Это подарок, который он сделал мне.

– Пойду на камбуз, посмотрю, что можно изобразить на завтрак, – говорит он, поднимаясь с шезлонга.

Я даю знак Светке, что скоро вернусь и спешу вслед за Буратиной, догоняю его в узком проходе между каютами и перилами.

– Дружище, а кто у нас ставит музыку? – спрашиваю я, взяв его за плечо.

Буратина бьёт себя в грудь.

– Всё здесь. – Он крутит плоским телефоном, который достаёт из кармана брюк.

– Слушай, а ты не мог бы...

– Мог бы. Что тебе поставить?

– Поставь «Танцы вдвоём». Ну помнишь, «Технология»...

– Конечно, помню – Буратина улыбается и мягко тычет мне в грудь кулаком. – Отдыхай, дружище!

Медленными шагами направляюсь по скрипящей отмостке бака к шезлонгу, где сидит Светка, а сверху уже льётся клавишный перебор синтезатора, от которого сердце начинает колотиться в десять раз быстрее.

«Недопе-етый мотив

Я услы-шу во сне,

До утра не сомкну я гла-аз...» -

запевает солист «Технологии». Раньше меня бесило, что он лагает, и только сейчас я понял, что без этих фальшивых нот, песня была бы совсем другой.

– Можно Вас? – я протягиваю Светке руку, и её глаза загораются, словно она давно этого ждала.

– Конечно!

Я беру в руку её тёплую ладошку, нежно обхватываю талию, и мы плавно покачиваемся в такт музыке. Одни посреди ночи. Одни посреди огромной реки.

«Танцы вдво-ё-ё-м

Стра-анные танц-ы-ы...»

Нас накрывает приятная печаль. Мы просто молчим, просто медленно и плавно качаемся из стороны в сторону, и каждый вспоминает тот вечер, где играла эта же песня.

«А но-очью начнё-ом,

Стра-анные танцы-ы,

Танцу-уй под дождё-ом

В переходах подземных ста-анций...»

Я сдавливаю её хрупкое тельце в своих объятиях, пальцами правой руки ощущаю выпирающие через тонкий шёлк летнего платьишка рёбра. Какая она худышка. Моя худышка! Неужели случилось.

Она заглядывает мне в глаза, а потом смущённо улыбается и утыкается носом в мой пуловер. Её длинные волосы забраны в большой шелковистый хвост, этот хвост, в который я влюбился с первого взгляда. Блики от вращающегося на потолке стеклянного шара осыпают

нас как снежные хлопья. Ноги утопают в белом дыму, последнем писке дискотек. Вижу спину Поночки в цветастом китайском «Адике». Он горбится в три погибели, обнимая милипуську, которую подцепил час назад. Рядом выгибается какой-то обдолбанный фраер в свитере «Бойз», заправленном в зелёные слаксы и в кожаной кепке, нахлобученной на бритую голову. Фраер кружится с воображаемой партнёршей и даже о чём-то с ней шепчется.

«Вот это приход» – думаю я вскользь и тут же возвращаюсь к своей Вороне.

Буратина и Геракл сидят за столиком где-то там, за толщей дыма и продолжают накачиваться водкой «Распутин». Сегодня мы все хорошо приняли на грудь, и собираемся гулять до утра. День начался превосходно, но мы ещё не знаем, как он закончится. Никто из нас: ни я, танцующий с блаженной улыбкой в предвкушении романтической ночи, ни поблёскивающая глазами Светка, ни звякающие стаканами Буратина с Гераклом, ни Уксус, который перебрал и уже вернулся домой, не подозревает, что это наш последний вечер.

Я надеюсь, я просто уверен, что именно сегодня смогу её поцеловать и нарочно оттягиваю этот сладостный момент, к которому мы оба готовы. Наверное, я бы поторопился, если бы знал, что он уже зашёл в наполненное дымом помещение, и словно башней танка крутит квадратной головой, выискивая за столиками и на танцполе знакомые лица. Ему нужно увидеть, хотя бы одного из нас, чтобы убедиться, что все здесь. Заметив Буратину и Геракла, он щёлкнет костяшками чётков, словно на счётах подбьёт итог и плывущей блатной походкой быстро направится к выходу.

«Та-анцы-ы вдвоём,

Стра-а-анные танцы-ы...»

Тогда я не успел... а что, если сделать это сейчас? Я ловлю её взгляд, смотрю в упор, ныряю в чёрные озёра, захлёбываюсь. Я наклоняюсь ближе, так, что её подведённые губки уже в сантиметре от моих...

– Опа на! А это чё за дискотека?

Геракл бя! Он как всегда не вовремя. Его худосочное тело в тельняшке и трениках раскачивается, колышется, как тонкая берёзка на ветру. Одной рукой он держится за поручень, другая безвольно болтается, сжимая в руке недопитую бутылку вискаря.

– Слушай, Герыч, сходи к парням, посмотри как там они... – пытаюсь я спровадить нежелательного гостя, но уже поздно. Светка уже выскользнула из моих объятий, и села на шезлонг. Да и песня закончилась. Ей на смену приходит другой нетленный хит «Технологиии».

«Нажми на кнопку, получишь результат,

И твоя мечта осуществится-аа».

Нет, видимо моей мечте так и не суждено осуществиться. Я в сердцах машу рукой и кричу:

– Буратина, мы жрать хотим!

Вот мы снова сгрудились за столом кают кампании всем составом. Уставшие, невыспанные, но счастливые мы бодрим себя шампанским и с аппетитом поедаем жаренную курицу и пиццу. Где это всё добывает Буратина посреди реки?

Яхта вздрагивает, мелко вибрирует и плавно трогается. Значит Жекичан отдохнул и снова заступил на вахту.

Я пропадаю, тону, в грохоте посуды и пьяных криках пацанов. Я хочу спать... я хочу сладко дремать на плече сидящей рядом Светки. Это плечо сейчас мягче пуховой подушки, и я проваливаюсь...

«Свистать всех наверх!» – отдающийся звоном в ушах крик Буратины заставляет меня вздрогнуть и разлепить глаза. Я вижу, как парни вскакивают со стульев и гурьбой ломятся к выходу из каюты.

– Что происходит? – спрашиваю я у Светки, которая смотрит на меня с нежностью мамы, сидящей у кровати своего чада.

– Не знаю, – она улыбается и пожимает плечами. – Пойдём посмотрим?

Мы выходим из каюты, и я чувствую обрушивающийся сверху тёплый солнечный душ. Я потягиваюсь и широко улыбаюсь, глядя на скопившихся у борта парней.

– Слева по борту дикий пляж! – командным голосом чеканит Буратина и передаёт Поночке бинокль. – Ваша задача, десантироваться и захватить языков...

– Да-а, да-а... лишь бы язычком хорошо работали, – мурчит Поночка, отталкивая локтём пытающегося перехватить бинокль Уксуса. – Тихо ты... дай посмотреть.

Из мохнатой зелёной шерсти берега вырван клочок, и на этой небольшой жёлтой проплешине, подобно блохам роятся заголённые тела. Поодаль стройным рядом стоит с десятков палаток и несколько десятков машин. Народу много, видимо место популярно среди здешних туристов. А каких здешних? Где мы вообще?

Буратина даёт команду Жекичану, чтобы тот заглушил мотор и встал на якорь.

– Дохлый номер, – бурчит плящущийся в бинокль Поночка. – Там все девки с парнями и с мужьями...

– Ну так в этом и прикол! Проявите смекалку, инициативу наконец! – смеётся Буратина. А если серьёзно, такого в природе не бывает, чтобы все были в парах. Да ты хотя бы на глазок прикинь, там баб в три раза больше, чем мужиков. Вон, они уже заинтересовались нашей посудиною. Действительно, несколько человек подошли к самому краю воды и, приложив руки ко лбу, рассматривают яхту.

– А кто поплывёт? – спрашивает Уксус.

– Все, кому нужны языки, – отвечает Буратина.

После недолгих переговоров, плыть решаются Поночка и Уксус. Геракла, порывающегося плыть вместе, не берут, мотивируя это тем, что место в лодке нужно оставить для девчонок. На самом деле, причина отказа понятна: невымытый, косматый и пьяный полуматрос, полубомж распугает всех людей на пляже.

– Мы для тебя возьмём девчонку, не беспокойся. Ты какую предпочитаешь, блондинку, или брюнетку? – ёрничает Уксус.

– Мне двух рыжих лилипуток! – угрюмо басит обиженный Геракл.

– Герыч, ты пока готовься. Хотя бы башку помой и тельник свой состирни... – смеётся Поночка.

– Иди наХ... – Геракл машет рукой и, пошатываясь, направляется в каюту, где его ждёт неизменная подружка с квадратными боками и свинчивающейся головкой.

Собираясь в путь, друзья замечают, что их наряды не очень подходят для ангажирования дам.

– Ты б хоть Аляску скинул, чай лето на улице. – Поночка смерил недовольным взглядом своего компаньона.

– И чё я голым поплыву? – Уксус распахивает полы куртки, демонстрируя свой бледный худой торс.

– Ну-ка, снимай! – Буратина помогает Уксусу снять Аляску, брезгливо швыряет её на палубу, затем снимает с шеи золотой канат с огромным крестом и, накинув, застёгивает его на куриной шее друга.

– Не-т! – хмыкает, превратившийся в модного стилиста Буратина. – Так ты похож на бродячего миссионера. – Он снимает с себя пиджак и набрасывает его на хилые плечи Уксуса. Пиджак ничуть не придаёт шарма новоиспечённому кавалеру, напротив он утопает в нём как в мешке и походит в лучшем случае на агронома.

– Ха-ха-ха... – заливаюсь я, глядя на перевоплощение Уксуса. – Парни, смотрите, да это же мумия нового русского.

Смеются все, кроме Уксуса. Вдруг Буратина спохватывается, тычет пальцем в небо (жест, которым он всегда демонстрировал внезапное озарение) и взлетает на верхнюю палубу в кубрик к Жекичану. Оттуда он возвращается с белоснежной широкополой шляпой.

– На-ка вот! – он нахлобучивает шляпу на макушку Уксуса и тот в момент преобразается.

– Ну вот, теперь ты как минимум цыганский барон. – говорю я, сдерживая выпирающий из горла смех.

– А мне что так плыть? – теперь уже недоволен Поночка. Ему тоже хочется сменить имидж.

– А ты вполне гармонично смотришься в своём комке и берцах. – пожимает плечами Буратина, с ног до головы оглядывая друга, который в своём обтягивающем пузо кителе тянет разве что на охранника супермаркета.

– Ага! – стонет Поночка как маленькая девочка. – Ему и шляпу и цепь подогнал, а мне?

– Да на ты, не хнычь... – Буратина снимает с пухлого запястья золотой хронометр и небрежно швыряет его Поночке.

– Вот это да! «Родо!» – кричит тот, натягивая часы и любуясь, как весело вразной скачут позолоченные стрелки на трёх циферблатах. – Да я теперь ипотеку закрою...

– Эй ша... – гаркает Буратина. – Это тебе не подарок, а аренда только на время мероприятия.

Наконец сборы закончены. Два пьяных тела плюхаются одно за другим в спущенную на воду лодку. Поночка долго не может примостить свой огромный зад на пластиковую перекладину, в результате чего лодка едва не переворачивается. Перед отплытием оказывается, что никто из штурмовой бригады не может сладить с лодочным мотором.

– Буратина, помоги завести! – умоляет Поночка.

– Сейчас, парни, – Буратина бежит на бак и возвращается с двумя небольшими вёслами. – Ловите, пацаны. Это самый надёжный движок.

Из лодки раздаются возгласы возмущения, отзывающиеся громким хохотом с высокого борта яхты. Первым за вёсла берётся Уксус, но гребец из него оказывается неважный, так как лодка крутится на одном месте. Наконец инициативу вместе с вёслами перехватывает Поночка. Пока они меняются местами, лодка в очередной раз даёт крен и едва не переворачивается. Только спустя время лодка начинает зигзагообразное движение в сторону берега. С яхты отплывающих провожает дружный гогот и хриплый бас профессора Лебединского.

«Что ж ты не с-с-м-м-азал,

Уключины м-м-маслом,

А он всё хрипел-л-л

И вот так улыбалса-а...»

Мы хохочем в унисон со Светкой, и наши лица заливают палящее, как в последний раз предосеннее солнце.

«Я убью тебя л-лодочни-ик

Я убью тебя л-лодочни-ик...»

Я как бы невзначай накрываю ладонью, лежащую на перилах Светкину ручку. Она, делая вид, что ничего не заметила, продолжает смеяться и слушать комментарии Буратины, которые он отправляет вслед пьяной виляющей лодке. Я ощущаю пронзающие ладонь токи и это чувство сейчас выше любого сексуального наслаждения. Мы забылись. Сейчас мы ещё те детишки.

Спустившийся позавтракать Жекичан, представляется Светке и вызывает недоумённый вопрос.

– Женя? А у вас в Китае, как это имя звучит?

– Вообще-то, я татарин, – улыбается Жекичан обнажая мелкие как у шуки зубки.

Светка поворачивается ко мне, скорчив укоряющую гримасу, а я виновато улыбаюсь в ответ.

Тем временем штурмовая бригада с переменным успехом достигает берега и уже берёт на бордаж двух загорающих особей женского пола. Наблюдающий в бинокль Буратина, комментирует, что происходит на берегу. Он в подробностях описывает молоденьких девчонок, вплоть до объёма бюста и цвета купальников и даёт оценки действиям парней.

– С скромные, как первокурсники. Нужно брать в охапку и в лодку забрасывать, а они сопли пускают! – Бурчит он, словно футбольный фанат, обсуждающий игру любимой команды. Но Буратине это можно. В вопросе съёма телок он у нас был главный спец. Он и по количеству разбитых сердец был призёром не только школы, но и всего района. Только лишь поэтому их со Светкой союз не мог быть длительным и в какой то момент они стали просто друзьями. И это тоже умел только наш Буратина. Красиво соскочить и при этом сохранить хорошие отношения это дорогого стоит.

Миссионеры уже где-то в гуще загорающих аборигенов. Издалека я могу разглядеть только белое пятно шляпы Уксуса. Пятно медленно перемещается вглубь песчаной косы, застывает на одном месте на пару минут и плывёт дальше.

Я замечаю, что бинокль Буратины направлен в противоположную от белого пятна сторону. Он сосредоточенно рассматривает объект, находящийся в правой части косы, скорее всего какую-нибудь колоритную красотку. Меня же интересует только один объект, тот который стоит рядом, плечом к плечу со мной, и чьё тонкое запястье робко накрыто моей ладонью. Всё моё внимание сфокусировано на этой ладошке. Я постепенно увеличиваю силу нажатия и время от времени делаю плавные поглаживающие движения. Она улыбается и смотрит в сторону берега. Сейчас мы походим на двух сидящих в кинотеатре школьников. В полумраке зала мальчик гладит коленку девчонки, которая делает вид, что настолько увлечена фильмом, что ничего не замечает. Скоро фильм закончится, свет зажжётся, мальчик и девочка выйдут из зала и разойдутся в разные стороны, словно чужие люди.

– Хочешь посмотреть? – Буратина протягивает мне бинокль.

– Не-а! Чё я не видел, как этих горе Ловеласов девки отшивают? Без тебя им не видать удачи.

– Не-ет, вроде бы уже есть улов! – Буратина снова смотрит в бинокль. – Ого, да там целый цветник вокруг них собрался. Им ещё кастинг придётся проводить...

– «Родо» и белая шляпа настолько сексуально смотрятся? – Смеётся Светка.

– Скорее белая маячащая вдалеке яхта придаёт парням шарма. – Отвечает Буратина. – Женька, на смотри, – он передаёт бинокль, стоящему по правую руку Жекичану.

– А мне зачем? – недоумевает шкипер.

– Вдруг их там месить начнут, – выказывает Буратина свои опасения.

– И чё если так? Выкатишь корабельные пушки и дашь по берегу залп? – смеюсь я.

– И то верно! – улыбается друг.

– Кстати, я чё-то не заметил твоего фирменного знака.

– Ох ты! – Буратина хлопает себя по ляжкам. – Я ведь всё приготовил, просто не успел сделать. Хорошо, что напомнил.

Он командует Жекичану, чтобы тот спустился в трюм и принёс коробку и рулон, которые стоят в углу. Через минуту полная баллончиков с краской коробка и непонятный рулон оказываются возле ног босса. Буратина идёт на бак, где раскатывает рулон. Он размашистыми и в то же время плавными движениями рисует маркером на бумаге.

– Что он делает? – спрашивает Светка.

– Видимо трафарет, – отвечаю я.

Нам не видно, что конкретно рисует Буратина, но я знаю, что у него получится красиво. Он отличный художник. Талантливый человек талантлив во всём. Уже через пару минут Буратина берёт канцелярский нож и аккуратно вырезает нарисованные символы. Дальше уже

работа Жекичана. Ему поручается прилепить трафарет ближе к носу судна и тщательно закрасить из баллончика.

Теперь мы, свесившись за борт, наблюдаем за филигранной работой Жекичана, перед которым стоит тяжёлая задача, ровно разместить трафарет, не имея соответствующих ориентиров и разметки. Но у нашего Жеки всё выходит быстро и нарядно. Я же увлечён не его работой, а поглаживанием нежной ручки, которая уже раскалилась от моих манипуляций. Жекичан уже прыскает из баллончика, обильно заливая трафарет чёрной краской. Ветер подхватывает резкий запах и швыряет в нас.

– Ф-у – отмахивается Светка, неосознанно высвободив свою руку из под моей.

– Пойдём пока в каюту, а то воняет, да и голову уже напекло. – предлагаю я ей.

Светка пожимает плечами, мол, как скажешь. Мы заходим в приятную тень, и на несколько секунд становимся слепыми котятками из-за резкого перехода от яркого света к полумраку. Когда зрение восстанавливается, первое, что я вижу – это её, направленные на меня глаза.

Я снова тону;

я сжимаю её предплечья;

я притягиваю её к себе;

я наклоняюсь ближе;

я чувствую как соприкасаются кончики наших носов;

я...

– Опа на! Я чё то пропустил?

Позабывтый всеми Геракл всё это время сидел за столом и наблюдал за трогательной мезансценой.

– Геракл, ёб твою мать! – бросаю я в сердцах и выбегаю из каюты, тут же возвращаюсь, подхожу к столу, наливаю себе полный стакан виски и приговариваю его одним махом.

– Дружище, скажи, как тебе это удаётся? Ты всё время как человек невидимка, который нет нет да и проявляется. Только вот появляешься всегда не вовремя. – Ударная доза алкоголя возымела своё воздействие и я уже не ругаюсь, а, блаженно развалившись в кресле, выпускаю пар.

– Так это же вы всегда оказываетесь там, где уже нахожусь я! – недовольно бурчит друг. – Есть же ещё одна каюта, шли бы туда! Ну если хотите, я могу и удалиться.

Геракл пытается встать, силясь упирающимися в стол руками поднять свой отяжелевший зад. А ведь когда то он делал двадцать подъёмов с переворотом на перекладине. Больше всех в нашей параллели.

– Сиди уже! – Светка своим командирским тоном заставляет Геракла расслабить руки и плавно стечь на диван. – Пообщайтесь лучше, когда ещё увидите, а я пойду душ, приму, хотя бы один раз за двое суток.

В одну минуту мои партнёры сменились. На смену красивому ухоженному лицу Светки пришла бородатая с огромными мешками под заплывшими розовыми глазами морда моего старого друга. Только сейчас я заметил, что мы вот так вот не оставались с ним один на один с самого детства. А раньше мы так любили общаться вдвоём. Мы подходили друг к другу, у нас были общие интересы и взгляды. Мы были неразлучны, пока не появился Буратина.

Я снова окунаюсь в те годы, но теперь становлюсь ещё моложе. Мне десять или двенадцать. Передо мной круглое розовое личико с чёрными зачёсанными на пробор волосами. Мы вспоминаем, нам есть, про что вспомнить вдвоём.

Например про макулатуру. Тогда мы ещё горели желанием выделиться, стать первыми среди своих сверстников. Но почему то уже тогда нам не хотелось идти долгим тернистым путём. Как-то в школе учредили соревнования по приёму макулатуры. Призы тогда были чисто символическими, но участвовать обязаны были все. У небольшого сарая, куда складировали

ненужную бумагу выстраивалась очередь из пионеров с вязанками из газет и старых журналов. Кладовщица по имени Фира Саттаровна выставляла перед дверьми сарая напольные весы, взвешивала, кто и сколько принёс и заносила данные в свою тетрадь. Опираясь на эти данные строгое жюри в виде завуча, должно было определить победителя. К последнему дню приёма сарай уже ломился от макулатуры. Груды бумаги заполняли его сверху до низу. Крыша у сарая текла, и было видно, что верхушки бумажных гор намокли и покрылись плесенью. Нам с Вовиком предстояло внести хоть какую-то лепту в «благое дело», дабы не получить от Маргуши нагоняй за отлынивание от общественных дел. Не помню, кому из нас в голову пришла сама идея, но рассуждали мы следующим образом. Зачем напрягаться, бегая по дворам и квартирам, собирать эти газеты, если эта макулатура на хрен ни кому не нужна. Всё делается для галочки. А если для галочки, то за чем дело встало? Есть человек, который эти галочки ставит и есть горы макулатуры, причём всё это в одном месте и ходить далеко не надо. Сарай был разделён на два помещения. Одно помещение было отдано под склад макулатуры, а во втором хранился уборочный инвентарь, лопаты, грабли и веники. В оба помещения были отдельные входы, но между ними в перегородке имелась небольшая калитка, которая никогда не закрывалась. У дворника по кличке Хохотало мы попросили ключ от кладовки с инвентарём, сославшись на то, что нам приказали подмести территорию спортивной площадки. Попав в смежное с хранилищем макулатуры отделение, через небольшую калитку, мы вытаскивали пачки бумаги с одной стороны амбара и тащили сдавать их Фире на другую сторону. Мы притаскивали по две пачки бумаги, взвешивали их у Фире и бежали обратно за следующей партией. Фира не могла понять, как за пять минут можно насобирать четыре здоровых тюка, но, пожимая плечами, раз за разом вписывала нас в свой гроссбух. Спустя всего один час мы поднялись на вершину турнирной таблицы. Маргуша просто не могла нарадоваться, когда в актовом зале два её «любимых ученика» под аплодисменты всей школы получали ценные призы из рук самого завуча, за выдающиеся результаты в сборе макулатуры.

Ещё можно вспомнить про урок труда, где трудовик Забодай поставил перед каждым учащимся задачу реставрировать как можно больше молотков. Старые и ржавые бойки от молотков нужно было сначала скоблить крупным и мелким напильником, потом полировать наждачкой. Умирая с напильником над первым молотком, я наблюдал как более рукастые одноклассники принимались уже за третий и четвёртый по счёту. Забодай как правило ставил задачу и куда-то удалялся на всю пару. Он возвращался только в конце, чтобы оценить результаты. Я подошёл к Вовику, у которого тоже не очень получалось ещё с первым молотком и сказал, что в соседней механической мастерской есть электрические наждачные круги, на которых можно быстро содрать с молотка ржавчину.

«Зачем париться, если есть станки?» – горячо шептал я Вовику, косясь на трудящихся одноклассников.

Мы взяли целый ящик с молотками и утащили его в механическую мастерскую, которая находилась за дверью по соседству, включили наждак и... Дело сдвинулось с места. Я не успевал доставать молотки из ящика и подавать их Вовику, который уверенно запускал их под круг, уклоняясь от летящих снопов искр. В конце урока мы предоставили Забодаю аж пятьдесят блестящих молотков. Но трудовик не был впечатлён нашими выдающимися результатами. Он орал так, что в помещении мастерской дрожали стёкла.

«Вы испоганили мне весь учебный материал! Вам как было велено делать? А вы как? Я же вижу, что на наждаке! На наждаке и дурак может! Вы напильником попробуйте!»

Так мы обзавелись единицами по самому безобидному предмету, за счёт которого выезжали даже матёрые двоечники. Мы были обескуражены и под насмешки одноклассников ещё долго рассуждали на перемене, что мы сделали не так?

Мы не понимали, в чём разница между молотками, которые сдали мы и все остальные. Каким образом мы испоганили материал.?

Ещё мы не понимали, зачем умному тратить два часа на то, что дурак сможет сделать за пять минут на наждаке.

А уроки физкультуры? Эти марафоны, которые любил устраивать маленький пухлый физрук Нафаня. Этот похожий на мячик, далёкий от спортивной формы человек измывался над нами заставляя нарезать бесчисленные круги вокруг школьного двора. И здесь мы с Вовиком нашли лёгкий и быстрый способ достигать высоких результатов. Небольшой сектор кольцевой беговой дорожки проходил через рощицу засаженную двумя рядами тополей, которые были вместо живой изгороди, отгораживающей школу от дороги. Вот в этой рощице с некоторых пор и стали происходить аномальные явления. Туда вбегало тридцать пять человек, а оттуда появлялось только тридцать два. Трио состоящее из меня, Вовика и Уксуса застревало между деревьев на первом же круге. Мы оставались в своём укрытии пока утомлённые бегом одноклассники не заходили на последний круг, и тогда мы встраивались в ряды бегущих, изображая крайнее утомление. Всё было прекрасно ровно до тех пор, пока Нафаня не устроил командный зачёт. Здесь уже речь шла о результате на время и оценке за четверть. Сначала всё шло точно по сценарию. Всё испортила наша заносчивость. Вместо того, чтобы как всегда скромно плестись в последних рядах, на последнем круге, мы не дожидаясь остальных вырвались вперёд и естественно пришли первыми. Ни о чём не подозревавший Нафаня конечно же был удивлён нашим результатам, но всё же похвалил и выставил по пятёрке. И всё бы было прекрасно, если бы не Ленин. Ну конечно же он нас сдал с потрохами, ведь первым прийти мог только он и ни кто другой. Так у нас появились двойки ещё по одному спасительному для двоечников предмету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.